

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

НОЧНОЙ

ДВОЗОР

Дозоры

Сергей Лукьяненко

Ночной Дозор

«Издательство АСТ»

1998

Лукьяненко С.

Ночной Дозор / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
1998 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-084407-4

На ночных улицах – опасно. Но речь не о преступниках и маньяках. На ночных улицах живет другая опасность – те, что называют себя Иными. Вампиры и оборотни, колдуньи и ведьмаки. Те, кто выходит на охоту, когда садится солнце. Те, чья сила велика, с кем не справиться обычным оружием. Но по следу «ночных охотников» веками следуют охотники другие – Ночной Дозор. Они сражаются с порождениями мрака и побеждают их, но при этом свято блюдут древний Договор, заключенный между Светлыми и Темными...

ISBN 978-5-17-084407-4

© Лукьяненко С., 1998

© Издательство АСТ, 1998

Содержание

История первая	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Лукьяненко

Ночной Дозор

*Данный текст одобрен к распространению как способствующий
делу Света.*

Ночной Дозор

*Данный текст одобрен к распространению как способствующий
делу Тьмы.*

Дневной Дозор

История первая

Своя судьба

Пролог

Эскалатор полз медленно, натужно. Старая станция, ничего не поделаешь. Зато ветер гулял в бетонной трубе вовсю – трепал волосы, оттягивал капюшон, забирался под шарф, толкал вниз.

Ветер не хотел, чтобы Егор поднимался.

Ветер просил вернуться.

Удивительно, но никто вокруг, казалось, не замечал ветра. Людей было немного – к полуночи станция пустела. Несколько человек ехали навстречу, на лестнице рядом с Егором тоже почти никого: один впереди, двое или трое сзади. И все.

Разве что еще ветер.

Егор засунул руки в карманы, обернулся. Уже минуты две, едва он вышел из поезда, его не оставляло ощущение чужого взгляда. Почему-то совсем не страшное, скорее – заволаживающее, резкое, как укол.

В самом начале эскалатора стоял высокий мужчина в форме. Не милиционер, военный. Дальше – женщина с сонным малышом, держащимся за ее руку. Еще один мужчина, молодой, в яркой оранжевой куртке, с плеером. Он, казалось, тоже спал на ходу.

Ничего подозрительного. Даже для мальчишки, который слишком поздно возвращается домой. Егор снова посмотрел вверх, там милиционер, привалившийся к блестящим поручням, уныло высматривал среди редких пассажиров легкую добычу.

Ничего страшного.

Ветер толкнул Егора последний раз и стих, будто смирился, понял, что бороться бесполезно. Мальчик еще раз взглянул назад и побежал по сплюсцивающимся под ногами ступенькам. Надо было спешить. Непонятно почему, но надо. Его еще раз кольнуло, бессмысленно и тревожно, по телу прошел холодок.

Это все ветер.

Егор выскочил в полуоткрытые двери, и пронизывающий холод навалился на него с новой силой. Волосы, еще мокрые после бассейна – сушилка снова не работала, – мгновенно обледенели. Егор надвинул капюшон глубже, не останавливаясь проскочил мимо ларьков, нырнул в переход. На поверхности людей было куда больше, но тревога не проходила. Он даже обернулся, не замедляя шаг, но никто за ним не следовал. Женщина с малышом шла к трамвайной

остановке, мужчина с плеером остановился возле ларька, изучая бутылки, военный вообще еще не вышел из метро.

Мальчик шел по переходу, все убыстряя и убыстряя шаг. Откуда-то лилась музыка, тихая, едва слышная, но удивительно приятная. Тонкое пение флейты, шелест гитарных струн, перезвон ксилофона. Музыка звала, музыка торопила. Егор увернулся от спешащей навстречу компании, обогнал плетущегося еле-еле пьяненького и веселого мужичка. Из головы будто выдуло все мысли, он уже почти бежал.

Музыка звала.

В нее уже вплетались слова... пока невнятные, слишком тихие, но такие манящие. Егор выскочил из перехода, на миг остановился, глотая холодный воздух. К остановке как раз подкатывал троллейбус. Можно было проехать одну остановку, почти до самого дома...

Медленно, словно внезапно онемели ноги, мальчик пошел к троллейбусу. Несколько секунд тот ждал с открытыми дверями, потом створки сошлись, и машина отъехала от остановки. Егор тупо смотрел вслед, музыка становилась все громче, заполняла весь мир, от полукружия высотной гостиницы до видневшегося невдалеке «коробка на ножках» – его дома. Музыка предлагала идти пешком. По ярко освещенному проспекту, где до сих пор шло немало людей. Всего-то пять минут до подъезда.

А до музыки – еще меньше...

Егор успел пройти метров сто, когда гостиница перестала прикрывать его от ветра. Ледяной поток ужалил в лицо, почти заглушая зовущую мелодию. Мальчик зашатался, останавливаясь. Очарование рассеялось, зато вновь вернулось ощущение чужого взгляда, теперь еще густо замешенное на страхе. Он обернулся – к остановке снова подходил троллейбус. А еще в свете фонарей мелькнула ярко-оранжевая куртка. Мужчина, поднимавшийся вместе с ним на эскалаторе, шел следом. Все так же полуприкрыв глаза, но неожиданно быстро и целеустремленно, будто видел Егора.

Мальчик побежал.

Музыка зазвучала с новой силой, прорвалась сквозь завесу ветра. Он уже мог различить слова... мог, но не хотел.

Правильнее всего сейчас было бы идти по проспекту, мимо закрытых, но ярко освещенных магазинов, рядом с припоздавшими прохожими, на виду у несущихся машин.

Но Егор свернул в подворотню. Музыка звала туда.

Здесь было почти совсем темно, и только у стены шевелились две тени. Егор видел их как сквозь туман, словно подсвеченный мертвенным синеватым светом. Юноша и девушка, очень легко одетые, будто на дворе не минус двадцать.

Музыка грянула последний раз, пронзительно и торжествующе. Смолкла. Мальчик почувствовал, как обмякает тело. Он был весь в поту, ноги его не держали, хотелось сесть на скользкий, покрытый обледенелой грязью тротуар.

– Хорошенький... – тихо произнесла девушка. У нее было худое лицо, впалые щеки, бледная кожа. Только глаза казались живыми: черные, огромные, притягивающие.

– Оставишь... чуть-чуть... – сказал юноша. Улыбнулся. Они были похожи как брат и сестра, не чертами лица, а чем-то неуловимым, общим для них, брошенным сверху, словно пыльный полупрозрачный тюль.

– Тебе? – Девушка на миг отвела от Егора взгляд. Оцепенение слегка спало, зато нахлынул страх. Мальчик открыл рот, но встретил взгляд юноши и не смог закричать. Его будто стянуло холодной резиновой пленкой.

– Да. Держи!

Девушка насмешливо фыркнула. Перевела взгляд на Егора, вытянула губы, будто в воздушном поцелуе. Тихо произнесла уже знакомые слова, те самые, что вплетались в манящую музыку:

– Иди сюда... иди ко мне...

Егор стоял неподвижно. Сил убежать не было, несмотря на весь ужас, несмотря на рвущийся и застревающий в горле крик. Но по крайней мере он мог просто стоять.

Мимо подворотни прошла женщина с двумя здоровенными овчарками на поводках. Медленно, заторможенно, будто двигаясь под водой, будто снясь в страшном сне. Краем глаза Егор увидел, как псы дернулись, потянули в подворотню, и в душе вспыхнула безумная надежда. Овчарки зарычали, но как-то неуверенно, с ненавистью и страхом одновременно. Женщина на миг остановилась, подозрительно посмотрела в подворотню. Егор поймал ее взгляд – безразличный, словно сквозь пустое место.

– Пошли! – Она дернула поводки, и собаки охотно отступили к ее ногам.

Юноша тихо засмеялся.

Женщина ускорила шаг и скрылась из виду.

– Не идет! – капризно воскликнула девушка. – Ну ты посмотри, он же не идет!

– Сильнее, – коротко сказал юноша. Нахмурился. – Учись.

– Иди! Иди ко мне! – с напором произнесла девушка. Егор стоял метрах в двух, но ей словно было важно, чтобы он сам прошел это расстояние.

И Егор понял, что больше нет сил сопротивляться. Взгляд девушки держал, приклеивал к невидимой резиновой привязи, слова звали, и он ничего не мог с собой поделать. Знал, что идти нельзя, и все-таки сделал шаг. Девушка улыбнулась – блеснули ровные белые зубы. Сказала:

– Сними шарф.

Противиться он уже не мог. Дрожащими руками сбросил капюшон, стянул, не разматывая, шарф. Шагнул навстречу зовущим черным глазам.

У девушки что-то происходило с лицом. Отвисала нижняя челюсть, зубы шевелились, искривлялись. Блеснули длинные, уже нечеловеческие клыки.

Егор сделал еще шаг.

Глава 1

Ночь начиналась неудачно. Я проснулся, едва лишь стемнело. Лежал, глядя, как тают в щелях жалюзи последние проблески света, размышлял. Пятая ночь охоты – и все безрезультатно. Едва ли и сегодня повезет.

В квартире было холодно, батареи чуть грели. Единственное, за что люблю зиму: быстро темнеет и людей на улицах мало. А так... давно бы плюнул на все, уехал из Москвы куда-нибудь в Ялту или в Сочи. Именно на Черное море, а не на далекие острова чужих теплых океанов: люблю, когда вокруг родная речь...

Глупые мечты, конечно.

Рановато мне еще на покой, в теплые края.

Не заслужил.

Телефон словно дожидался моего пробуждения – зачирикал требовательно и мерзко. Я нащупал трубку, приложил к уху – молча, не говоря ни слова.

– Антон, ответь.

Я молчал. Голос у Ларисы деловой, собранный, но уже усталый. Весь день не спала явно.

– Антон, тебя соединить с шефом?

– Не надо, – буркнул я.

– То-то. Проснулся?

– Да.

– Ты сегодня как обычно?

– Что-то новое случилось?

– Нет, ничего.

– Позавтракать есть чем?

– Найду.

– Хорошо. Удачи.

Пожелание было вялым, скучным. Лариса в меня не верила. Шеф наверняка тоже.

– Спасибо, – сказал я частым гудкам. Поднялся, совершил экскурсию в туалет и ванную. Начал было намазывать зубной пастой щетку, потом сообразил, что спешу, отложил ее на край раковины.

На кухне было совсем темно, но свет я, конечно же, включать не стал. Открыл дверцу холодильника – вывернутая лампочка мерзла среди продуктов. Посмотрел на кастрюлю, накрытую дуршлагом. В дуршлаге валялся кусок полурастаявшего мяса. Я вынул дуршлаг, поднес кастрюлю к губам, сделал глоток.

Если кто-то думает, что свиная кровь – это вкусно, то он ошибается.

Вернув кастрюлю с остатками натекшей крови на место, я прошел в ванную. Тусклая синяя лампочка едва разгоняла темноту. Я долго, с ожесточением чистил зубы, потом не выдержал, совершил еще один поход на кухню и глотнул ледяной водки из морозильника. Теперь в животе было не просто тепло – горячо. Чудесный букет ощущений: холод на зубах и жар в животе.

– Чтоб тебе самому... – начал было я в адрес шефа, но вовремя опомнился. С него станет почувствовать даже неоформленное проклятие. Двинувшись в комнату, я стал собирать разбросанные повсюду предметы гардероба. Брюки нашлись под кроватью, носки на подоконнике, рубашка почему-то висела на маске Чхоен.

Древний корейский царь взирал на меня с неодобрением.

– Stereги лучше, – буркнул я, и тут снова заверещал телефон. Запрыгав по комнате, я нашел трубку.

– Антон, ты что-то хотел мне сказать? – поинтересовался незримый собеседник.

– Никак нет, – мрачно сказал я.

– Ну-ну. Добавь «рад стараться, ваше благородие».

– Не рад. Тут уж ничего не поделаешь... ваше благородие.

Шеф помолчал.

– Антон, я все-таки попрошу тебя отнестись серьезнее к сложившемуся положению. Хорошо? Утром жду с отчетом в любом случае. И... удачи тебе.

Я не то чтобы устыдился. Но все-таки раздражение поутихло. Спрятав сотовый в карман куртки, открыл шкаф в прихожей. Некоторое время размышлял, чем завершить обмундирование. Было у меня несколько новинок в снаряжении, подаренных друзьями за последнюю неделю. И все-таки я остановился на обычном наборе, в меру универсальном и достаточно компактном.

Еще – мини-дисковый плеер. Слух мне не нужен совершенно, а вот скука – враг неумолимый.

Перед выходом я долго рассматривал в глазок лестницу. Никого.

Так началась очередная ночь.

Часов шесть я ездил в метро, без всякой системы переходя с ветки на ветку, временами задремывая, позволяя сознанию отдохнуть, а чувствам – раскрепоститься. Все было глухо. Нет, кое-что интересное я видел, но все случаи были ординарные, для новичков. Лишь к одиннадцати, когда в метро стало более безлюдно, ситуация изменилась.

Я сидел с закрытыми глазами, уже в третий раз за вечер слушая пятую симфонию Манфредини. Мини-диск в плеере был совершенно безумный: моя личная сборка, где итальянцы средних веков и Бах чередовались с «Алисой», Ричи Блэкмором и «Пикником».

Всегда интересно, какая мелодия и с каким событием совпадет. Сегодня удача выпала на Манфредини.

Меня скрутило – судорога прошла от пяток до затылка. Я даже что-то прошипел, открывая глаза и оглядывая вагон.

Девушку я выделил сразу.

Очень миленькая, молодая. В нарядной шубке, с сумочкой и книжкой в руках.

И с таким черным вихрем над головой, какого я уже года три не видел!

Наверное, у меня был безумный взгляд. Девушка его почувствовала, взглянула на меня, тут же отвернулась.

Ты бы лучше вверх посмотрела!

Нет, конечно, увидеть воронку ей все равно не дано. Максимум, что она может ощутить, – легкое беспокойство. И лишь смутно-смутно, уголком глаз, способна заметить мельтешение над головой... будто мушки летают, будто в жаркий день над асфальтом рябит воздух...

Ничего ей не увидеть. Ничего. И она будет жить еще день или два, пока не оступится на гололеде, да так, что ударится головой насмерть. Или попадет под машину. Или в подъезде наткнется на нож бандита... не понимающего в общем-то, зачем он убивает эту девушку. И все будут говорить: «Такая молодая, жить еще и жить, все ее так любили...»

Да. Конечно. Верю, уж очень доброе и хорошее лицо: усталость есть, а озлобленности нет. Рядом с такой девушкой чувствуешь себя не таким, каков ты на самом деле. Пытаешься быть лучше, а это тяготит. С такими предпочитают дружить, чуть-чуть флиртовать, делиться откровениями. В таких редко влюбляются, но зато все таких любят.

Кроме кого-то одного, заплатившего Темному магу.

Черная воронка на самом деле явление обычное. Приглядевшись, я мог заметить еще пять или шесть, зависших над пассажирами. Но все они были смазанные, тусклые, едва вращающиеся. Результаты самого обычного, непрофессионального проклятия. Кто-то бросил вслед

человеку: «Чтоб ты сдох, сволочь». Кто-то выразился проще и мягче: «Чтоб тебе пусто было». И протянулся с Темной стороны маленький смерч, вытягивающий удачу, высасывающий силы.

Но только обычного проклятия, дилетантского и неоформленного, хватает на час, два, максимум на сутки. И последствия от него хоть и неприятные, но не смертельные. А вот черная воронка над девушкой была полноценной, стабилизированной, сработанной опытным магом. Сама того не зная, девушка уже была мертва.

Я машинально потянулся к карману, сообразил, где нахожусь, и поморщился. Ну почему сотовые не работают в метро? Те, кто их имеет, под землей не ездят?

Теперь я разрывался между основным заданием, которое надо было выполнять, пусть и без надежды на успех, и обреченной девушкой. Не знаю, возможно ли ей еще помочь, но выследить создателя воронки я обязан...

И в этот миг меня ударило второй раз. Теперь – по-другому. Без судорог, без боли, лишь пересохло горло, онемели десны, запульсировала кровь в висках, а кончики пальцев стали зудеть.

Есть!

Но почему так не вовремя?

Я поднялся – поезд уже притормаживал перед станцией. Прошел мимо девушки и почувствовал ее взгляд. Она следила за мной. Боялась. Видимо, черный вихрь, пусть и неощутимый, вызывал у нее беспокойство, заставлял приглядываться к окружающим.

Может быть, потому она до сих пор еще жива?

Стараясь не смотреть в ее сторону, я опустил руку в карман. Нашупал амулет – прохладный стержень, выточенный из оникса. Еще секунду медлил, пытаюсь придумать иные действия.

Нет, другого выхода не было.

Я сжал стержень в ладони. Пальцы стало покалывать, потом камень потеплел, отдавая накопленную энергию. Ощущение не было ложным, но это тепло не измерить термометром. Мне казалось, что я сжимаю уголек из костра... уголек, покрытый холодным пеплом, но раскаленный в сердцевине.

Выбрав амулет до конца, я бросил взгляд на девушку. Черная воронка дрожала, слегка изгибаясь в мою сторону. Вихрь был настолько мощным, что обладал зачатками интеллекта.

Я ударил.

Будь в вагоне, да что там в вагоне, во всем поезде еще хоть один Иной, он увидел бы ослепительную вспышку, с одинаковой легкостью пронзающую металл и бетон...

Еще никогда я не бил по черному вихрю такой сложной структуры. И никогда не применял амулет с таким мощным зарядом.

Эффект был совершенно неожиданным. Слабенькие проклятия, висевшие над другими людьми, смело начисто. Пожилая женщина, устало тершая лоб, удивленно посмотрела на ладонь: у нее вдруг исчезла жестокая мигрень. Молодой парень, тупо глядевший в стекло, вздрогнул, лицо его расслабилось – из глаз уходила глухая тоска.

Черный вихрь над девушкой отнесло метров на пять, он даже наполовину выскочил из вагона. Но структуры не потерял и зигзагами поплыл обратно к жертве.

Вот это сила!

Вот это нацеленность!

Говорят, правда, сам я этого не видел, что оттесненный хотя бы на два-три метра вихрь теряет ориентировку, приклеивается к ближайшему человеку. Это тоже скверно, но чужое проклятие действует куда слабее, у новой жертвы есть все шансы спастись.

А этот вихрь пер обратно, будто верный пес к попавшему в беду хозяину!

Поезд останавливался. Я бросил последний взгляд на вихрь – тот вновь завис над девушкой, даже ускорил вращение... И ничего, совершенно ничего поделать я не мог. Рядом, на стан-

ции, была цель моих недельных блужданий по Москве. Проехать мимо, проследить за девушкой я не мог. Меня шеф заживо сожрал бы... может быть, даже не фигурально выражаясь...

Когда двери с шипением разошлись, я бросил на девушку последний взгляд, торопливо запоминая ауру. Шансов найти ее вновь в огромном городе немного. И все-таки я должен буду попытаться.

Но не сейчас.

Выскочив из вагона, я огляделся. Опыта полевой работы мне и впрямь не хватает, в этом шеф абсолютно прав. Но вот метод, который он применил для обучения, мне совершенно не нравился.

Как, черт возьми, найти цель?

Обычным зрением я видел людей, ни один из них не вызывал подозрения. Здесь до сих пор толклось много пассажиров – все-таки «Курская-кольцевая», тут и приезжие с вокзала, и расходящиеся торговцы, и спешащие на пересадку в спальные районы... Прикрыв глаза, я мог наблюдать картину более занятную: блеклые, как обычно к вечеру, ауры. Среди них ярким алым пятном горела чья-то злоба, пронзительно оранжевым светилась парочка, явно спешащая добраться до постели, размытыми коричнево-серыми полосами тянулись распадающиеся ауры пьяных.

И никакого следа. Только сухость в горле, зуд в деснах, безумно колотящееся сердце. Привкус крови на губах. Нарастающее возбуждение.

Все признаки косвенные и в то же время слишком явные, чтобы пренебречь ими.

Кто же? Кто?

Поезд за моей спиной тронулся. Ощущение близости цели не слабело, значит, пока мы рядом. Показался встречный состав. И я почувствовал, как цель дрогнула, двинулась навстречу ему.

Вперед!

Я пересек перрон, лавируя между пляшущимися на указатели приезжими, двинулся к хвосту состава – ощущение цели начало слабеть. Побежал к головному вагону... есть... ближе...

Как в детской игре – «горячо-холодно».

Люди входили в вагоны. Я бежал вдоль состава, чувствуя, как рот наполняется тягучей слюной, начинают болеть зубы, судорогой сводит пальцы... В наушниках гремела музыка.

In the shadow of the moon,
She danced in the starlight
Whispering a haunting tune
To the night...¹

Ох к месту песенка. Удивительно к месту...

Не к добру.

Я прыгнул в сходящиеся двери, замер, прислушиваясь к себе. Угадал или нет? Визуально я по-прежнему не фиксировал цель...

Угадал.

Поезд мчался по кольцу, а мои бунтующие инстинкты кричали: «Здесь! Рядом!»

Может быть, я и с вагоном угадал?

Исподтишка оглядев попутчиков, я отказался от этой надежды. Здесь не было никого, способного вызвать интерес.

Что ж, будем ждать...

¹ «Shadow of the Moon». Candice Night and Ritchie Blackmore.

Feel no sorrow, jeef no pain,
Feel no hurl, there's nothing gamed...
Only love will then remain,
She would say².

На «Проспекте Мира» я почувствовал, что цель удаляется. Выскочил из вагона, двинулся на пересадку. Рядом, где-то совсем рядом...

На радиальной станции ощущение цели стало почти мучительным. Я уже высмотрел несколько кандидатур: две девушки, молодой парень, мальчик. Все они были потенциальными кандидатами, но вот кто из них?

Моя четверка села в один вагон. Это уже была удача, я вошел следом и стал ждать.

Одна девушка вышла на «Рижской».

Ощущение цели не ослабло.

Парень вышел на «Алексеевской».

Прекрасно. Девушка или мальчик? Кто из них?

Я позволил себе украдкой поглядеть на обоих. Девушка была пухленькая, розовощекая, внимательно читала «МК». Никакого волнения не проявляла. Мальчик, наоборот, тощенький и хрупкий, стоит у двери, водя пальцем по стеклу.

На мой взгляд, девушка была гораздо... аппетитнее. Два к одному, что она.

Но в общем-то тут все решает вопрос пола.

Я уже начал слышать Зов. Пока еще не вербализированный, просто нежная, тягучая мелодия. Звук из наушников сразу перестал восприниматься, Зов легко перекрыл музыку.

Ни девушка, ни мальчик не проявляли беспокойства. Либо у них очень высокий порог переносимости, либо, наоборот, – сразу поддались.

Поезд подъехал к «ВДНХ». Мальчик убрал руку от стекла, вышел на перрон, торопливо зашагал к старому выходу. Девушка осталась.

Проклятие!

Они оба были еще совсем рядом, и я не мог понять, кого из них чувствую!

И тут мелодия Зова ликующе взвилась, в нее стала вкрадываться речь.

Женская!

Я выскочил из сходящихся дверей, торопливо пошел следом за мальчиком.

Прекрасно. Охота подходит к концу.

Вот только как я собираюсь справиться с разряженным амулетом? Ума не приложу...

Народу вышло совсем мало, по эскалатору мы поднимались вчетвером. Мальчик впереди, за ним женщина с ребенком, потом я, следом помятый пожилой полковник. Аура у военного была красивая, яркая, вся из блистающих серо-стальных и голубых тонов. Я даже подумал, насмешливо и устало, что его можно позвать на помощь. Такие до сих пор верят в понятие «офицерская честь».

Вот только пользы от старого полковника будет меньше, чем от мухобойки при охоте на слона.

Прекратив забивать голову ерундой, я снова посмотрел на мальчика. С закрытыми глазами, сканируя ауру.

Результат был обескураживающим.

Его окружало переливчатое, полупрозрачное сияние. Временами окрашивающееся красным, порой наливающееся густой зеленью, иногда вспыхивающее темно-синим цветом.

Редкий случай. Несформированная судьба. Расплывчатый потенциал. Мальчик может вырасти большим мерзавцем, может стать добрым и справедливым человеком, а может ока-

² «Shadow of the Moon». Candice Night and Ritchie Blackmore.

заться никем, пустышкой, каких на самом деле большинство в мире. Все впереди, как говорится. Подобные ауры обычны у детей до двух-трех лет, но у более старших встречаются исчезающе редко.

Теперь понятно, почему Зов обращен именно на него. Деликатес, что ни говори.

Я почувствовал, как рот наполняется слюной.

Слишком долго все тянулось, слишком долго... Я смотрел на мальчика, на тонкую шею под шарфом и проклинал шефа, традиции, ритуалы – все то, из чего складывалась моя работа. Десны зудели, горло ссохлось.

У крови горьковато-соленый вкус, но эту жажду утолит лишь она.

Проклятие!

Мальчик соскочил с эскалатора, пробежал по вестибюлю, скрылся за стеклянными дверями. На миг мне стало легче. Замедляя шаг, я вышел следом, краем глаза зафиксировал движение: мальчик нырнул в подземный переход. Он уже бежал, его тащило, влекло навстречу Зову.

Быстрее!

Подбежав к ларьку, я бросил продавцу две монетки, сказал, стараясь не показывать зубы: – За шесть, с кольцом.

Прыщавый парень заторможенно – он и сам, похоже, грелся на работе – подал чекушку. Честно предупредил:

– Водка не очень. Не отравя, конечно, «Дороховская», но все-таки...

– Здоровье дороже, – отрезал я. Водка явно была суррогатом, но сейчас меня это устраивало. Одной рукой я содрал колпачок за прикрученное к нему проволоочное колечко, другой вытащил сотовый, включил дозвон. У продавца округлились глаза. Сделав на ходу глоток – водка воняла как керосин, а на вкус была еще гаже, явная подделка, за углом разливали, – я побежал к переходу.

– Слушаю.

Это уже не Лариса. Ночью обычно дежурит Павел.

– Говорит Антон. Гостиница «Космос», где-то рядом, во дворах. Иду следом.

– Бригаду? – В голосе появился интерес.

– Да. Я уже разрядил амулет.

– Что случилось?

Бомж, прикорнувший в середине перехода, протянул руку, будто надеясь, что я отдам ему початую бутылочку. Я пробежал мимо.

– Там другое... Быстрее, Павел.

– Ребята уже в пути.

Я вдруг почувствовал, как челюсти пронзило раскаленной иглой. Ах ты ж сволочь...

– Паша, я за себя не отвечаю, – быстро сказал я, обрывая связь. И остановился перед милицмейским нарядом.

Ну вот так всегда!

Почему человеческие стражи порядка всегда появляются в неподходящий момент?

– Сержант Каминский, – скороговоркой произнес молодой милиционер. – Ваши документы...

Интересно, что мне собираются пришить? Пьянство в общественном месте? Вернее всего.

Опустив руку в карман, я коснулся амулета. Едва теплый. Но тут многого и не надо.

– Меня нет, – сказал я.

Две пары глаз, обшаривающих меня в предвкушении добычи, опустели, их покинула последняя искра разума.

– Вас тут нет, – хором повторили оба.

Программировать их времени не было. Я бросил первое, что пришло в голову:

– Купите водки и отдыхайте. Немедленно. Шагом марш!

Видимо, приказание упало на подходящую почву. Схватившись за руки, будто малыши на прогулке, милиционеры рванули по переходу к киоскам. Я почувствовал легкое смущение, представив последствия своего приказа, но времени выправлять положение не было.

Из перехода я выскочил в полной уверенности, что уже опоздал. Нет, как ни странно, мальчик далеко не ушел. Стоял, чуть покачиваясь, метрах в ста. Вот это сопротивление! Зов звучал с такой силой, что казалось странным, почему редкие прохожие не пускаются в пляс, почему троллейбусы не сворачивают с проспекта, не врываются в подворотню навстречу сладостной судьбе...

Мальчик оглянулся. Кажется, посмотрел на меня. И быстро пошел вперед.

Все, сломался.

Я двинулся следом, лихорадочно решая, что буду делать. Стоило бы дожидаться бригады – ей ехать минут десять, не больше.

Но как-то нехорошо выйдет – для мальчика.

Жалость – штука опасная. Сегодня я поддавался ей дважды. Вначале в метро, истратив заряд амулета на бесплодную попытку сбить черный вихрь. А теперь снова, двинувшись вслед за мальчиком.

Много лет назад я услышал фразу, с которой никак не хотел соглашаться. Не соглашаюсь и до сих пор, хотя уж сколько раз убеждался в ее правоте.

«Благо общее и благо конкретное редко встречаются вместе...»

Да, я понимаю. Это правда.

Но, наверное, есть такая правда, которая хуже лжи.

Я побежал навстречу Зову. Я слышал его наверняка не так, как слышал мальчик. Для него призыв был манящей, чарующей мелодией, лишаящей воли и сил. Для меня, наоборот, будоражащим кровь набатом.

Будоражащим кровь...

Тело, над которым я издевался неделю, бунтовало. Мне хотелось пить, не воды – я способен без всякого для себя вреда утолить жажду грязным городским снегом, не спиртного – шкалик с поганой сивухой был под рукой и тоже не принес бы мне вреда. Мне хотелось крови.

И не свиной, не коровьей, а именно человеческой. Будь проклята охота...

«Ты должен пройти через это, – сказал шеф. – Пять лет в аналитическом отделе – многовато, не находишь?» Не знаю, может, и многовато, но мне нравится. В конце концов, сам шеф уже больше ста лет оперативной работой не занимается.

Я пробежал мимо светящихся витрин, уставленных поддельной «гжелью», заполненных бутаторской едой. Мимо по проспекту неслись машины, шли редкие прохожие. Это тоже было подделкой, иллюзией, одной из граней мира, единственной доступной для людей. Хорошо, что я не человек.

Не прерывая бега, я вызвал сумрак.

Мир вздохнул, расступаясь. Будто ударили по мне со спины аэро дромные прожекторы, высекая длинную тонкую тень. Тень клубилась и обретала объем, тень тянула в себя – в пространство, где вообще нет теней. Тень отрывалась от грязного асфальта, вставала, пружинила, будто столб тяжелого дыма. Тень бежала передо мной...

Ускорив бег, я пробил серый силуэт и вошел в сумрак. Краски мира стали тусклее, а машины на проспекте будто замедлились, завязли.

Я приближался к месту своего назначения.

Нырнув в подворотню, я уже готов был увидеть развязку. Неподвижное, опустошенное, выпитое тело мальчика и исчезающих вампиров.

Но я успел.

Мальчик стоял перед девушкой-вампиришей, уже выпустившей клыки, и медленно стаскивал шарф. Вряд ли ему сейчас страшно – Зов заглушает сознание начисто. Он скорее мечтает о прикосновении острых сверкающих клыков.

Рядом стоял парень-вампир. Я сразу почувствовал, что в паре он главный: именно он инициировал девушку, именно он натаскивал ее на кровь. И самое мерзкое: у него была московская регистрационная метка. Вот скотина!

Зато у меня прибавилось шансов на успех...

Вампиры повернулись ко мне, но растерянно, еще не понимая, что происходит. Мальчик был в их сумраке, я не мог, не должен был его видеть... как и их самих.

Потом лицо парня начало разглаживаться, он даже улыбнулся – дружелюбно, спокойно.
– Привет...

Он принял меня за своего. И не стоило его винить за ошибку: сейчас я действительно был одним из них. Почти. Неделя подготовки не прошла даром: я стал чувствовать их... но и сам почти перешел на Темную сторону.

– Ночной Дозор, – сказал я. Протянул вперед руку с амулетом. Он разряжен, но это не так-то легко почувствовать на расстоянии. – Выйти из сумрака!

Наверное, парень подчинился бы. В надежде, что я не знаю о тянущемся за ним кровавом следе, что дело удастся классифицировать как «попытку неразрешенного взаимодействия с человеком». Но девушка не имела его выдержки и не способна была что-либо соображать.

– А-а-а-а!!! – С протяжным воем она бросилась на меня. Хорошо еще, что не впилась зубами в мальчика: она сейчас была невменяема, как наркоман в ломке, у которого выдернули из вены едва вколотый шприц, как нимфоманка, с которой слезли за миг до оргазма.

Для человека рывок был слишком быстрым, парировать его не смог бы никто.

Но я был с вампиришей в одном слое реальности. Вскинул руку и плеснул из початого шкалика прямо в исковерканное трансформацией лицо.

Почему вампиры так плохо переносят алкоголь?

Угрожающий вопль перешел в тонкий визг. Вампириша закрутилась на месте, колотя руками по лицу, с которого пластами сходили кожа и сероватое мясо. А вампир повернулся и бросился бежать.

Все складывалось даже слишком просто. Регистрированный вампир – это не залетный гость, с которым пришлось бы сражаться на равных. Я швырнул бутылкой в вампиришу, протянул руку и поймал послушно раскрутившуюся нить регистрационной метки. Вампир захрипел, хватаясь за горло.

– Выйди из сумрака! – крикнул я.

Кажется, он понял, что дело пошло уж совсем плохо. Кинулся на меня, пытаясь ослабить давление нити, в движении выпуская клыки и трансформируясь.

Будь амулет полностью заряжен, я бы просто его оглушил.

А так пришлось убивать.

Метка – слабо светящаяся голубым печать на груди вампира – хрустнула, когда я послал беззвучный приказ. Энергия, вложенная кем-то куда поспособнее меня, хлынула в мертвое тело. Вампир еще бежал. Он был сыт, крепок, и чужие жизни еще подпитывали мертвую плоть. Но сопротивляться удару такой силы было невозможно: кожа ссохлась, пергаментом обтянув кости, из глазниц потекла слизь. Потом переломился позвоночник, и дергающиеся останки рухнули к моим ногам.

Я обернулся – вампириша уже могла успеть реанимироваться. Но опасности не было. Огромными скачками девушка бежала через двор. Из сумрака она так и не вышла, и увидеть это потрясающее зрелище мог лишь я один. Ну и собаки, конечно. Где-то в стороне заливалась истеричным лаем мелкая псина, скованная сразу и ненавистью, и страхом – всеми теми чувствами, что собачий род испокон веку питает к живым мертвецам.

Преследовать вампиру не было сил. Потянувшись, я снял слепок ауры – иссушенной, серой, затхлой. Найдем. Никуда теперь не денется.

А где же мальчик?

После выхода из сумрака, созданного вампирами, он мог либо упасть в беспамятстве, либо войти в ступор. Но в подворотне его уже не было. Мимо меня он пробежать никак не мог... Я выскочил из подворотни во двор и действительно увидел мальчика. Улепетывал он едва ли не быстрее вампиры. Ну молодец! Чудесно. Помощи не требуется. Плохо, что он запомнил все происходящее, но кто поверит маленькому мальчику? А к утру все уже поблекнет в его памяти, сгладится, превратится в нереальный кошмар.

Или все-таки догнать паренька?

– Антон!

С проспекта бежали Игорь и Гарик, наш неразлучный дуэт оперативников.

– Девушка ушла! – крикнул я.

Гарик на бегу пнул ссохшийся труп вампира, подняв в морозный воздух облако трухи. Крикнул:

– Слепок!

Я послал ему образ убегающей вампиры, Гарик сморщился и прибавил скорость. Оперативники умчались в погоню, Игорь на ходу бросил:

– Займись мусором!

Кивнув, будто они нуждались в ответе, я вышел из своего сумрака. Мир расцвел. Силуэты оперативников растаяли, даже снег, лежащий в человеческой реальности, перестал приминаться под невидимыми ногами.

Вздохнув, я пошел к припаркованному к обочине серому «вольво». На заднем сиденье лежал нехитрый инструментарий – крепкий пластиковый мешок, лопатка и веник. Минут за пять я сгреб почти невесомые останки вампира, спрятал мешок в багажник. Из чахлого сугроба, оставленного нерадивым дворником, набрал грязного снега, разбросал в подворотне, потоптался, вминая остатки тлена в грязь. Не будет тебе человеческого погребения, ты не человек...

Вот теперь все.

Я вернулся к машине, сел за руль, расстегнул куртку. Было хорошо. Даже очень. Старший вампир мертв, его подругу ребята схватят, мальчишка жив.

Представляю, как обрадуется шеф!

Глава 2

– Халтура!

Я попытался что-то сказать, но следующая реплика, хлесткая, как пощечина, заткнула мне рот.

– Дешевка!

– Но...

– Ты хоть сам понимаешь свои ошибки?

Напор шефа чуть ослаб, и я рискнул поднять глаза от пола. Осторожно сказал:

– Вроде бы...

Нравится мне бывать в этом кабинете. Что-то детское просыпается в душе при взгляде на все те забавные вещички, что хранятся в стеллажах бронированного стекла, развешены на стенах, небрежно валяются на столе вперемешку с компьютерными дискетами и деловыми бумагами. За каждым предметом – от древнего японского веера до рваного куска металла с закрепленным на нем оленем, эмблемой автозавода, – стоит какая-то история. Когда шеф в духе, то можно услышать от него очень, очень занимательный рассказ.

Вот только редко я его застаю в таком состоянии.

– Хорошо. – Шеф прекратил прохаживаться по кабинету, сел в кожаное кресло, закурил. – Тогда излагай.

Голос его стал деловым, под стать внешности. На человеческий взгляд ему было лет сорок, а принадлежал он к тому тощенькому кругу бизнесменов средней руки, на которых любит возлагать надежды правительство.

– Что излагать? – рискуя наткнуться на новую нелицеприятную оценку, спросил я.

– Ошибки. Твои ошибки.

Значит, так... Хорошо.

– Моей первой ошибкой, Борис Игнатьевич, – с самым невинным видом начал я, – было неправильное понимание задания.

– Неужели? – заинтересовался шеф.

– Ну, я-то полагал, что моя цель – выследить вампира, начавшего активную охоту в Москве. Выследить и... э... обезвредить.

– Так-так... – подбодрил шеф.

– На самом же деле задание имело своей основной целью проверку моей пригодности к оперативной работе, к полевым действиям. Исходя из неправильной оценки задания, а именно: следуя принципу «разделять и защищать»...

Шеф вздохнул, покивал. Кто-нибудь менее с ним знакомый решил бы, что он пристыжен.

– А ты в чем-то нарушил этот принцип?

– Нет. И потому провалил задание.

– Как ты его провалил?

– Вначале... – Я скосил глаза на чучело белой полярной совы, стоящее под стеклом в стеллаже. Шевельнуло оно головой или нет? – Вначале я истратил заряд амулета на бесплодную попытку нейтрализации черной воронки...

Борис Игнатьевич поморщился. Пригладил волосы.

– Ладно, с этого и начнем. Я изучил образ, и если ты его не приукрасил...

Я возмущенно покачал головой.

– Верю. Так вот подобную воронку снять амулетом невозможно. Ты классификацию помнишь?

Черт! Ну почему я не перелистал старые конспекты?

– Уверен, что не помнишь. Но не важно, это воронка вне класса. Тебе никак не удалось бы с ней справиться... – Шеф перегнулся через стол и таинственным шепотом произнес: – И знаешь, что...

Я внимал.

– И мне бы не удалось, Антон.

Признание было неожиданно, и я не нашел, что ответить. Уверенность в том, что шеф может абсолютно все, никем вслух не озвучивалась, но бытовала у всех сотрудников конторы.

– Антон, воронка подобной силы... снять ее сможет лишь автор.

– Надо найти... – неуверенно сказал я. – Жалко девчонку...

– Не в ней дело. Не в ней одной.

– Почему? – ляпнул я и торопливо исправился: – Надо остановить Темного мага?

Шеф вздохнул.

– Возможно, у него лицензия. Возможно, он был вправе наложить проклятие... Дело даже не в маге. Черная воронка такой силы... помнишь, как зимой упал самолет?

Я вздрогнул. Это была не наша недоработка, да и вообще по большей части скорее дыра в законах: пилот, на которого наложили проклятие, не справился с управлением, и лайнер грохнулся на городские кварталы. Сотня жизней ни в чем не повинных людей...

– Такие воронки работать выборочно не способны. Девчонка обречена, но на нее не свалится кирпич с крыши. Скорее взорвется дом, начнется эпидемия, на Москву случайно сбросят атомную бомбу. Вот в чем главная беда, Антон.

Шеф вдруг повернулся, бросил испепеляющий взгляд на сову. Та быстро сложила крылья, блеск в стеклянных глазах угас.

– Борис Игнатьевич... – с ужасом сказал я. – Это моя вина...

– Понятно, что твоя. Тебя спасает одно, Антон. – Шеф откашлялся. – Поддавшись жалости, ты поступил совершенно правильно. Амулет не мог сбить вихрь полностью, но на время оттянул прорыв инферно. У нас теперь есть в запасе сутки... может быть, двое. Я всегда считал, что непродуманные, но благие поступки приносят больше пользы, чем продуманные, но жестокие. Не используй ты амулет – уже сейчас пол-Москвы лежало бы в руинах.

– Что же делать?

– Искать девчонку. Охранять... по мере сил. Еще раз-другой вихрь удастся дестабилизировать. А нам за это время придется найти мага, поставившего проклятие, и заставить его снять вихрь.

Я закивал.

– Искать будут все, – небрежно сказал шеф. – Я отозвал ребят из отпусков, к утру вернутся с Цейлона Илья и Семен, к обеду – остальные. Погода в Европе плохая, я попросил коллег из Европейского бюро о помощи, но пока облака разгонят...

– К утру? – Я глянул на часы. – Еще сутки.

– Да нет, к этому утру, – игнорируя полуденное солнце за окном, ответил шеф. – Ты тоже будешь искать. Может быть, снова повезет... Продолжаем разбор твоих ошибок?

– Стоит ли терять время? – робко спросил я.

– Не бойся, не потеряем. – Шеф встал, прошел к стеллажу, достал чучело совы, водрузил на стол. Вблизи стало ясно, что это действительно чучело, жизни в нем не больше, чем в меховом воротнике. – Переходим к самим вампирам и их жертве.

– Я упустил вампиршу. И ребята ее не догнали, – покаянно подтвердил я.

– Тут никаких претензий. Ты и так сражался достойно. Вопрос о жертве...

– Да, мальчик сохранил память. Но он такого деру дал...

– Антон! Очнись! Мальчика зацепили Зовом на расстоянии нескольких километров! Он должен был войти в подворотню беспомощной куклой! А когда сумрак исчез – упасть в обмо-

рок! Антон, да если после всего произошедшего он сохранил способность двигаться – у него великолепный магический потенциал!

Шеф замолчал.

– Я дурак.

– Нет. Но ты и впрямь засиделся в лаборатории. Антон, этот мальчик потенциально сильнее меня!

– Ну уж...

– Давай без лести...

На столе зазвонил телефон. Видно, что-то срочное: мало кто знает прямой номер шефа. Я вот – не знаю.

– Молчать! – приказал шеф ни в чем не повинному аппарату, и тот затих. – Антон, паренька надо найти. Убежавшая вампирша сама по себе не опасна. Или ребята догонят, или обычный патруль ее возьмет. Но если она высосет мальчишку... или, того хуже, иницирует... Ты не знаешь, что такое полноценный вампир. Современные – комары рядом с каким-нибудь Носферату. А он ведь был еще не из самых лучших, пускай и пыжился... Так что мальчик должен быть найден, обследован и, по возможности, принят в Дозор. На Темную сторону мы его отпускать не вправе, баланс по Москве рухнет окончательно.

– Это что – приказ?

– Лицензия, – мрачно сказал шеф. – У меня есть право на подобные приказы, как ты понимаешь.

– Знаю, – тихо сказал я. – С чего начинать? С кого, вернее.

– Как угодно. Видимо, все же с девушки. Но и мальчика попробуй найти.

– Я пойду?

– Выпись все-таки.

– Я прекрасно выпался, Борис Игнатьевич...

– Не думаю. Еще хотя бы часок рекомендую.

Я ничего не мог понять. Встал я сегодня в одиннадцать, сразу же рванул в контору, чувствовал себя совершенно бодрым и полным сил.

– Вот тебе помощник. – Шеф щелкнул пальцем по чучелу совы.

Птица расправила крылья и негодуя заклекотала.

Сглотнув, я решился на вопрос:

– Кто это? Или что это?

– Зачем тебе? – заглядывая сове в глаза, спросил шеф.

– Чтобы решить, хочу ли я с ним работать!

Сова взглянула на меня и зашипела, как разъяренная кошка.

– Неправильно вопрос ставишь. – Шеф покачал головой. – Согласится ли *она* с тобой работать, вот в чем вопрос.

Сова опять заклекотала.

– Да, – обращаясь уже не ко мне, а к птице, сказал шеф. – Ты во многом права. Но кто-то просил о новой апелляции?

Птица замерла.

– Обещаю, что буду ходатайствовать. И на этот раз шансы есть.

– Борис Игнатьевич, мое мнение... – начал я.

– Извини, Антон, оно меня не волнует... – Шеф протянул руку, сова неуклюже переступила пушистыми ногами, встала на ладонь. – Ты своей удачи не понимаешь.

Я замолчал. А шеф прошел к окну, распахнул раму, вытянул руку. Сова забила крыльями и сорвалась вниз. Хорошо чучело!

– Куда... оно?

– К тебе. Вам работать в паре... – Шеф потер переносицу. – Да! Учти, зовут ее Ольга.

– Сову?

– Сову. Будешь кормить, заботиться – все будет хорошо. А теперь... поспи еще чуть-чуть и вставай. В контору можешь не заезжать, дождись Ольги – и за работу. Проверь Кольцевую линию метро, например...

– Как – еще поспать... – начал я. Но мир вокруг уже мерк, тускнел, растворялся. В щеку больно впился уголок подушки.

Я лежал в своей постели.

Голова была тяжелая, в глазах – песок. Горло ссохлось и болело.

– А... – хрипло застонал я, переворачиваясь на спину. Тяжелые шторы не давали понять, ночь на дворе или давно уже день. Я скосил глаза на часы: светящиеся цифры показывали восемь.

Первый раз я удостоился от шефа аудиенции во сне.

Штука это неприятная, причем в первую очередь для шефа, которому пришлось вломиться в мое сознание.

Видно, и впрямь туго со временем, если он счел нужным провести инструктаж в мире снов. Но надо же... какая реальность! Не ожидал. Разбор задания, сова эта дурацкая...

Я вздрогнул – в окно снаружи постучали. Мелко и часто, будто когтями. Донесся приглушенный клекот.

А чего еще я, собственно говоря, ожидал?

Вскочив, нелепо оправив трусы, я подбежал к окну. Вся та дрянь, что я глотал, готовясь к охоте, еще действовала, и очертания предметов я различал четко.

Рывок – я распахнул шторы. Поднял жалюзи.

Сова сидела на подоконнике. Чуть щурилась – все-таки уже рассвело и для нее было слишком светло. С улицы, конечно, трудно понять, что за птица уселась на окно десятого этажа. А вот соседи, если выглянут, будут весьма удивлены. Полярная сова в центре Москвы!

– Что ж такое... – тихо сказал я.

Хотелось выразиться более ярко. Но от этой привычки меня отучили в самом начале работы в Дозоре. Точнее – сам отучился. Как увидишь раз-другой Темный смерчик над человеком, в чей адрес ты ругнулся, – сразу начинаешь придерживать язык.

Сова смотрела на меня. Ждала.

А вокруг бесились птицы. Стайка воробьев, усевшись на дереве подальше, заходилась в чириканье. Вороны были посмелее. Уселись на соседском балконе, на ближних деревьях. И каркали не переставая, временами спрыгивая с веток и кружа у окна. Инстинкты подсказывали им все грядущие неприятности от такого неожиданного соседа.

Но сова не реагировала. Плевала она и на воробьев, и на ворон. Если бы могла, конечно.

– Кто же ты такая? – открывая окно, безжалостно отдирая заклеенные рамы, пробормотал я. Удружил шеф с напарником... с напарницей...

Одним взмахом крыльев сова внесла себя в комнату, уселась на шифоньер, прикрыла глаза. Будто век тут жила. Может, замерзла по дороге? Да нет, она же полярная...

Я принялся закрывать окно, размышляя, что теперь делать. Как с ней общаться, чем кормить и как, скажите на милость, это пернатое создание может мне помочь?

– Тебя зовут Ольга? – спросил я, покончив с окном. Из щелей все равно дуло, но это оставим на потом. – Эй, птица!

Сова приоткрыла один глаз. Меня она игнорировала почти так же, как суетливых воробьев.

С каждым мигом я чувствовал себя все нелепее. Во-первых – такой напарник, с которым невозможно общаться. Во-вторых – она ведь женщина!

Хоть и сова.

Может, брюки надеть? Стою в одних мятых трусах, небритый, заспанный...

Чувствуя себя последним идиотом, я подхватил одежду и выскочил из комнаты. Моя фраза, брошенная сове напоследок: «Извините, я на минутку», была достойным завершающим штрихом к портрету.

Если эта птичка и впрямь то, что я думаю, то я создал о себе не лучшее впечатление.

Больше всего хотелось принять душ, но такую трату времени я себе позволить не мог. Ограничился бритьем и засовыванием гудящей головы под кран с холодной водой. На полочке среди шампуней и дезодорантов нашелся и одеколон, которым я обычно не пользуюсь.

– Ольга? – выглядывая в коридор, позвал я.

Сова нашлась на кухне, на холодильнике. Сидела мертво, чучелом, поставленным ради забавы. Почти как у шефа в стеллаже.

– Ты жива? – спросил я.

На меня мрачно посмотрел янтарно-желтый глаз.

– Хорошо. – Я развел руками. – Давай начнем сначала? Я понимаю, что произвел не лучшее впечатление. И скажу честно, у меня это хроническое.

Сова внимала.

– Я не знаю, кто ты. – Оседлав табуретку, я уселся перед холодильником. – Да ты и не можешь рассказать. Но вот сам представляюсь. Меня зовут Антон. Пять лет назад обнаружилось, что я – Иной.

Звук, который издала сова, больше всего походил на сдавленный смешок.

– Да, – согласился я. – Всего пять лет назад. Так уж сложилось. У меня был очень высокий барьер отторжения. Я не хотел видеть сумеречный мир. И не видел. Пока на меня не наткнулся шеф.

Кажется, сове стало интересно.

– Он вел практическое занятие. Инструктировал оперативников, как выявлять скрытых Иных. Наткнулся на меня... – Я усмехнулся, вспоминая. – Пробыл мой барьер, конечно же. А дальше все просто... прошел адаптационный курс, стал работать в аналитическом отделе. И... без особых изменений в жизни. Стал Иным, но словно и не заметил этого. Шеф хмурился, но молчал. Работу я делал хорошо... в остальное он вмешиваться не вправе. Но неделю назад в городе появился вампир-маньяк. Вот мне и было поручено его обезвредить. Якобы потому, что все оперативники заняты. На самом деле – чтобы я понюхал порошу. Может быть, это и правильно. Но ведь за неделю погибли еще трое людей. Профессионал взял бы ту парочку за сутки...

Мне очень хотелось знать, что думает по этому поводу Ольга. Но сова не издала ни звука.

– Вот что важнее для сохранения баланса? – все же спросил я. – Повышение моей оперативной квалификации или жизни трех ни в чем не повинных людей?

Сова молчала.

– Обычными способами я вампиров не почувствовал, – продолжил я. – Пришлось вводить себя в резонанс. Человеческую кровь пить не стал. Обошлись свиной. И все эти препараты... да ты, конечно, их знаешь...

Заговорив о препаратах, я встал, открыл шкафчик над плитой, достал стеклянную банку с плотно притертой пробкой. Комковатого бурого порошка осталось чуть-чуть, на доньшке, сдавать в хозяйств не имело смысла. Я высыпал порошок в раковину и смыл – по кухне пошел пряный дурманящий аромат. Банку я сполоснул и кинул в мусорное ведро.

– Я ведь чуть не сорвался, – заметил я. – Самым натуральным образом. Вчера утром, когда возвращался с охоты... попала в подъезде девчонка-соседка. Я даже здороваться не рискнул, клыки уже прорезались. И этой ночью, когда почувствовал Зов, нацеленный на паренька... едва не присоединился к вампирам.

Сова смотрела мне в глаза.

– Думаешь, потому меня шеф и назначил?

Чучело. Комок перьев, набитый ватой.

– Чтобы посмотрел их глазами?

В прихожей раздался звонок. Я вздохнул, развел руками: что уж тут поделаешь, сама виновата, любой собеседник лучше такой скучной птицы. Включив по пути свет, подошел к двери, открыл.

На пороге стоял вампир.

– Заходи, – сказал я. – Заходи, Костя.

Он помялся у двери, но все же зашел. Пригладил волосы – я заметил, что ладони у него потные и глаза бегают.

Косте всего семнадцать. Вампир он с рождения, обычный, нормальный городской вампир. Очень неприятная ситуация: родители-вампиры, у ребенка в таких условиях шансов вырасти человеком почти не остается.

– Я диски занес, – буркнул Костя. – Вот.

Я взял стопочку компактв, даже не удивившись, что их так много. Обычно парня приходилось долго теревить, чтобы вернул диски: он чертовски рассеян.

– Все послушал? – спросил я. – Переписал?

– Угу... я пошел...

– Подожди. – Я взял его за плечо и впихнул в комнату. – Что такое?

Он молчал.

– Уже в курсе? – прозревая, спросил я.

– Нас очень мало, Антон. – Костя посмотрел мне в глаза. – Когда кто-то уходит, мы сразу чувствуем.

– Так. Разувайся, пошли на кухню. Поговорим серьезно.

Костя не спорил. А я лихорадочно соображал, что же делать. Пять лет назад, когда я стал Иным и мир открыл мне свою сумеречную сторону, меня ждало множество удивительных открытий. Но то, что прямо надо мной живет семья вампиров, оказалось одним из самых шокирующих.

Помню, будто это было вчера. Я возвращался с занятий, самых обычных, заставлявших вспоминать недавний институт. Три пары, лектор, жара, от которой липли к телу белые халаты: мы арендовали аудиторию у мединститута. Я шел домой и баловался на ходу, то уходил в сумрак – ненадолго, навыков еще не хватало, – то начинал зондировать прохожих. И уже у подъезда наткнулся на соседей.

Очень милые люди. Я как-то хотел одолжить у них дрель, а отец Кости, Геннадий, строитель по специальности, просто пришел ко мне и играючи помог справиться с бетонными стенами, наглядно показав, что интеллигенту без пролетариата не выжить...

И вдруг я увидел, что они вовсе не люди.

Это было страшно. Коричнево-серая аура, давящая тяжесть. Я застыл, с ужасом глядя на них. Полина, мать Кости, слегка изменилась в лице, мальчишка замер и отвернулся. А глава семейства подошел ко мне, с каждым шагом уходя в сумрак, – той грациозной походкой, что дана лишь вампирам, живущим и мертвым одновременно. Для них сумрак – нормальная среда обитания.

– Здравствуй, Антон, – сказал он.

Мир вокруг был серым и мертвым. Я и сам не заметил, как нырнул в сумрак вслед за ним.

– Так и знал, что однажды ты перейдешь барьер, – сказал он. – Все в порядке.

Я отступил на шаг – и лицо Геннадия дрогнуло.

– Все нормально, – сказал он. Распахнул рубашку, и я увидел регистрационную печать, голубой оттиск на серой коже. – Мы все зарегистрированы. Полина! Костя!

Его жена тоже перешла в сумрак, расстегнула блузку. Пацан не двигался, потребовался суровый взгляд отца, чтобы и он предъявил печать.

– Я должен проверить, – прошептал я. Мои пассы были неумелыми, я дважды сбивался и начинал сначала. Геннадий терпеливо ждал. Наконец печать дала отклик. Постоянная регистрация, нарушений режима не обнаружено...

– Все в порядке? – спросил Геннадий. – Мы можем идти?

– Я...

– Да ничего. Мы знали, что однажды ты станешь Иным.

– Идите, – сказал я. Не по уставу, но мне сейчас было не до правил.

– Да... – Перед тем, как выйти из сумрака, Геннадий на миг задержался. – Я был в твоём доме... Антон, я возвращаю тебе приглашение заходить...

Все было правильно.

Они ушли, а я сел на скамейку рядом с греющейся на солнышке бабулей. Закурил, пытаюсь разобраться в мыслях. Бабулька поглядела на меня и изрекла:

– Хорошие люди, правда, Аркашенька?

Она все время путала мое имя. Жить ей оставалось от силы два-три месяца, сейчас я это видел ясно.

– Не совсем... – сказал я. Выкурил три сигареты, потом поплелся домой. У порога постоял, глядя, как гаснет серая дорожка «вампирией тропы» у порога. Как раз сегодня меня научили ее видеть...

До вечера я промаялся. Листал конспекты, для чего приходилось уходить в сумрак. Для обычного мира эти общие тетради девственно пусты. Хотелось позвонить куратору группы или самому шефу – я был на его персональной ответственности. Но я чувствовал, что должен принять решение сам.

Когда совсем стемнело, я не выдержал. Поднялся на этаж выше, позвонил. Открыл Костя, вздрогнул. В реальности он, как и вся его семья, казался совершенно обычным...

– Позови старших, – попросил я.

– Зачем? – буркнул он.

– Хочу вас пригласить на чай.

Геннадий возник за спиной сына, возник ниоткуда, он был куда способнее, чем я, свежеспеченный адепт Света.

– Ты уверен, Антон? – с сомнением спросил он. – Этого вовсе не требуется. Все нормально.

– Уверен.

Он помолчал. Пожал плечами:

– Мы зайдем завтра. Если пригласишь. Не горячись.

К полуночи я был безумно рад, что они отказались. К трем часам ночи попытался уснуть, успокоенный, зная, что хода в мой дом для них нет и не будет.

К утру, так и не сомкнув глаз, я стоял у окна и смотрел на город. Вампиров мало. Очень мало. В радиусе двух-трех километров ни одного больше.

Каково это – быть отверженным? Быть наказанным не за преступление, а за потенциальную возможность его совершить? А каково будет им жить... ну, пусть не жить, тут требуется иное слово, рядом со своим надзирателем?

Возвращаясь с занятий, я купил к чаю тортик.

А вот теперь Костя, хороший умный парень, студент физфака МГУ, имевший несчастье родиться живым мертвецом, сидел рядом со мной и возил ложкой в сахарнице, будто не решаясь зачерпнуть. С чего бы такая стеснительность...

Вначале он вообще забегал чуть ли не каждый день. Я был его прямой противоположностью, я был на Светлой стороне. Но я впускал его в дом, со мной можно было не таиться. Можно было просто поболтать, а можно было нырнуть в сумрак и похвастаться появившимися возможностями. «Антон, а у меня получилось трансформироваться!..» «А у меня клыки стали расти, р-р-р!»

И самое странное, что все это было нормально. Я хохотал, глядя на попытки вампиренка превратиться в летучую мышь: это задача для Высшего вампира, которым он не является и, даст Свет, никогда не станет. Только иногда одергивал: «Костя... вот этого ты никогда не должен делать. Понимаешь?» И это тоже было нормально.

– Костя, я выполнял свою работу.

– Зря.

– Они нарушили закон. Понимаешь? Не наш закон, заметь. Не только Светлые его приняли, а все Иные. Этот парень...

– Я его знал, – неожиданно сказал Костя. – Он веселый был.

Вот черт...

– Он мучился?

– Нет. – Я покачал головой. – Печать убивает мгновенно.

Костя вздрогнул, на миг скосил глаза на грудь. Если перейти в сумрак, то печать увидишь и сквозь одежду, а если не переходить – вообще не обнаружишь. Кажется, он не переходил. Но откуда мне знать, как чувствуют печать вампиры?

– Что я мог поделать? – спросил я. – Он убивал. Убивал ни в чем не повинных людей. Абсолютно незащищенных перед ним. Инициировал девчонку... грубо, насильно, она не должна была стать вампиром. Вчера они чуть не прикончили мальчишку. Просто так. Не от голода.

– Ты знаешь, что такое наш голод? – спросил Костя, помолчав.

А он взрослеет. Прямо на глазах...

– Да. Вчера я... почти стал вампиром.

Тишина, на миг.

– Знаю. Я чувствовал... я надеялся.

Дьявол и преисподняя! Я вел свою охоту. На меня вели свою. Точнее – караулили в засаде, ожидая, что охотник превратится в зверя.

– Нет, – сказал я. – Уж извини.

– Да, он виноват, – упрямо сказал Костя. – Но зачем было убивать? Положено судить. Трибунал, адвокат, обвинение, все как положено...

– Положено не вмешивать людей в наши дела! – рявкнул я. И впервые Костя не отреагировал на такой тон.

– Ты слишком долго был человеком!

– И ничуть о том не жалею!

– Зачем ты его убил?

– Иначе он убил бы меня!

– Инициировал!

– Это еще хуже!

Костя замолчал. Отставил чай, поднялся. Совершенно обычный, нагловатый и при этом болезненно моральный юноша.

Вот только вампир.

– Пойду...

– Подожди. – Я шагнул к холодильнику. – Захвати, мне тут выдали, но не понадобилось.

Я вынул стоящие среди бутылок с «боржоми» двухсотграммовые пузырьки с донорской кровью.

– Не надо.

– Костя, я же знаю, что это вечная ваша проблема. Мне оно не нужно. Бери.

– Купить хочешь?

Я начал злиться.

– Да зачем мне нужно подкупать тебя! Выбрасывать – глупо, вот и все! Это кровь. Люди сдавали ее, чтобы кому-то помочь!

И тогда Костя вдруг ухмыльнулся. Протянул руку, взял один из пузырьков, раскупорил, содрал жестяной колпачок легко и умело. Поднес бутылочку к губам. Опять усмехнулся, сделал глоток.

Я никогда не видел, как они питаются. Да и не стремился.

– Прекрати, – сказал я. – Не паясничай.

Губы у Кости были в крови, тоненькая струйка стекала по щеке. Не просто стекала, а впитывалась в кожу.

– Тебе неприятен наш способ питания?

– Да.

– Значит, тебе неприятен и я сам? Все мы?

Я покачал головой. Мы никогда не касались этого вопроса. Так было легче.

– Костя... чтобы жить, тебе нужна кровь. И хотя бы иногда – человеческая.

– Мы вообще не живем.

– Я беру более общий смысл. Чтобы двигаться, думать, говорить, мечтать...

– Что тебе мечты вампира?

– Мальчик, на свете живет множество людей, которым постоянно требуется переливание крови. Их не меньше, чем вас. А еще есть экстренные случаи. Потому существует донорство, потому оно почетно и поощряется... Не улыбайся. Я знаю ваши заслуги в развитии медицины и в пропаганде донорства. Костя, если кому-то для жизни... для существования нужна кровь – это еще не беда. И куда она пойдет, в вены или в желудок, тоже дело десятое. Вопрос в том, как ты ее добудешь.

– Слова. – Костя фыркнул. Мне показалось, что на миг он перешел в сумрак и тут же вынырнул обратно. Растет, растет парень. И сила у него появляется настоящая. – Вчера ты показал свое истинное отношение к нам.

– Ты не прав...

– Да брось... – Он отставил бутылочку, потом, передумав, наклонил ее над раковиной. – Нам не нужны твои...

За спиной раздалось уханье. Я повернулся – сова, про которую я успел начисто забыть, повернула голову к Косте и расправила крылья.

Никогда еще я не видел у него такого лица.

– А... – сказал он. – А...

Сова сложила крылья и прикрыла глаза.

– Ольга, мы разговариваем! – рявкнул я. – Дай нам минутку...

Птица не отреагировала. А вот Костя переводил взгляд с меня на сову и обратно. Потом сел, сложив руки на коленях.

– Что с тобой? – спросил я.

– Можно мне идти?

Он был не просто удивлен или напуган, он был шокирован.

– Иди. Только захвати все же...

Костя стал торопливо собирать бутылочки, рассовывать их по карманам.

– Пакет возьми, дубина! Вдруг кто окажется в подъезде?

Вампир послушно сложил флаконы в пакетик с надписью «Возродим российскую культуру!». Косясь на сову, вышел в прихожую, принялся торопливо обуваться.

– Ты заходи, – сказал я. – Я не враг. Пока ты не перешел грани, я не враг.

Он кивнул и пулей вылетел из квартиры. Пожав плечами, я закрыл дверь. Вернулся на кухню, глянул на сову:

– Ну? Так что произошло?

В янтарно-желтом взгляде ничего нельзя было прочесть. Я всплеснул руками:

– Как нам работать? А? Как мы будем сотрудничать? У тебя есть какие-то средства коммуникации? Я открываюсь, слышишь? Прямой разговор!

Полностью в сумрак я не перешел, потянулся одной лишь мыслю. Не стоит так доверяться незнакомцам, но вряд ли шеф дал бы мне ненадежную напарницу.

Никакого ответа. Даже если Ольга могла общаться телепатически, то делать этого не собиралась.

– Что предпримем? Надо искать ту девчонку. Примешь образ?

Ответа нет. Вздохнув, я наудачу бросил в птицу кусочком своей памяти.

Сова расправила крылья и перепорхнула мне на плечо.

– Вот как? Значит, слышим? А до ответа не снисходим? Хорошо, как знаешь. Что мне делать?

Снова игра в молчанку.

Впрочем, что делать, я знаю. Другой вопрос, что никакой надежды на удачу нет.

– И как я буду бродить по улицам с тобой на плече?

Насмешливый, именно насмешливый взгляд. И птица на моем плече ушла в сумрак.

Вот, значит, как. Невидимый наблюдатель. Не просто наблюдатель – реакция Кости на сову была более чем показательной. Похоже, мне дали напарницу, которую силы Тьмы знают куда лучше, чем рядовые служители Света.

– Договорились, – бодренько сказал я. – Вот только съем чего-нибудь, ага?

Я достал себе йогурт и налил стакан апельсинового сока. От того, чем я кормился последнюю неделю – полусырые бифштексы и мясной сок, немногим отличающийся от крови, – меня уже тошнило.

– А тебе мяска, наверное?

Сова отвернулась.

– Ну как хочешь, – сказал я. – Уверен, что едва ты захочешь есть, то сразу найдешь возможность со мной общаться.

Глава 3

Я люблю ходить по городу в сумраке. При этом не становишься невидимым, иначе бы на тебя поминутно налетали. Просто сквозь тебя смотрят и не замечают тебя. Но сейчас предстояло работать в открытую.

День – не наше время. Как это ни смешно, но сторонники Света работают ночью, когда активизируются Темные. А сейчас Темные мало на что способны. Вампиры, оборотни. Темные маги днем вынуждены жить, как обычные люди.

В большинстве своем, конечно.

Сейчас я прохаживался вокруг станции «Тульская». Как и посоветовал шеф, я отработал все станции на кольце, где только могла выйти девушка с черной воронкой инферно. За ней должен был остаться след, пусть слабенький, но еще различимый. Теперь я решил пройтись по радиальным веткам.

Дурацкая станция, дурацкий район. Два выхода, разнесенные на порядочное расстояние друг от друга. Рынок, помпезный небоскреб налоговой полиции, огромный жилой дом. Темных эманаций вокруг было столько, что найти след черной воронки становилось проблематичным.

Особенно если она здесь не появлялась.

Я обошел все, вынюхивая ауру девушки, поглядывая порой сквозь сумрак на невидимую птицу, угнездившуюся на моем плече. Сова дремала. Она тоже ничего не чувствовала, а я почему-то был уверен, что ее способности к поиску лучше моих.

Один раз у меня проверили документы милиционеры. Дважды приставали безумные молодые люди, желающие совершенно бесплатно, всего лишь за полсотни баксов, подарить мне китайский фен, детскую игрушку и копеечный корейский телефон.

И тут я не сдержался. Отмахнулся от очередного назойливого коммивояжера и провел реморализацию. Легкую, на самой грани допустимого. Может быть, парень начнет искать себе другую работу. А может быть, и нет...

Но в тот же миг меня взяли за локти. Еще мгновение назад рядом никого не было – теперь за спиной стояла парочка. Симпатичная рыжая девчонка и крепкий, с мрачным лицом парень.

– Тихо, – сказала девушка. Она была в паре главной, я это оценил сразу. – Дневной Дозор. Свет и Тьма!

Пожав плечами, я смотрел на них.

– Назовись, – потребовала девушка.

Врать смысла не было, мою ауру они уже давно сняли, и определить личность – лишь вопрос времени.

– Антон Городецкий.

Они ждали.

– Иной, – признал я. – Сотрудник Ночного Дозора.

Руки с моих локтей они убрали. И даже отступили на шаг. Но огорченными никак не выглядели.

– Пошли в сумрак, – велел парень.

Похоже, не вампиры. И то хорошо. Можно надеяться на некоторую объективность. Я вздохнул и перешел из одной реальности в другую.

Первой неожиданностью было то, что парочка оказалась по-настоящему молодой. Девчонка-ведьма лет двадцати пяти и ведьмак лет тридцати, мой ровесник. Я подумал, что даже смогу при необходимости вспомнить их имена, в конце семидесятых ведьм и ведьмаков рождалось мало.

Второй неожиданностью оказалось отсутствие на моем плече совы. Точнее, она там была. Я ощущал когти, мог ее увидеть, но только при некотором напряжении. Похоже было, что

птичка одновременно со мной сменила реальности, оказавшись на более глубоком уровне сумрака.

Все интереснее и интереснее!

– Дневной Дозор, – повторила девушка. – Алиса Донникова, Иная.

– Петр Нестеров, Иной, – буркнул парень.

– У вас какие-то проблемы?

Девушка буравила меня фирменным «ведьмовским» взглядом. С каждой секундой она становилась все симпатичнее и обольстительнее. Конечно, я защищен от прямого воздействия, обворожить меня невозможно, но выглядело это эффектно.

– Проблемы не у нас. Антон Городецкий, вы произвели несанкционированный контакт с человеком.

– Да? И какой?

– Вмешательство седьмой степени, – неохотно признала ведьма. – Но факт остается фактом. К тому же вы подтолкнули его к Свету.

– Протокол писать будем? – Меня вдруг развеселила ситуация. Седьмая степень – мелочь. Это воздействие на самой грани магии и обычного разговора.

– Будем.

– И что напишем? Сотрудник Ночного Дозора слегка усилил в человеке неприязнь к обману?

– Тем самым нарушая установленный баланс, – отчеканил ведьмак.

– Неужели? А в чем беда для Тьмы? Если парень вдруг бросит заниматься мелким жульничеством, то его жизнь неизбежно ухудшится. Более моральный, но более несчастный. Согласно комментариям к соглашению о балансе сил – это не считается нарушением баланса.

– Софистика, – бросила девушка. – Вы сотрудник Дозора. То, что простительно обычному Иному, для вас неправомерно.

Она была права. Мелкое нарушение, и все же...

– Он мне мешал. При проведении расследования я имею право на магическое вмешательство.

– Вы на службе, Антон?

– Да.

– А почему днем?

– У меня особое задание. Вы можете направить запрос руководству. Точнее, запрос вправе направить ваше руководство.

Ведьма и ведьмак переглянулись. Как бы ни были противоположны наши цели и наша мораль, но конторам приходилось сотрудничать.

А уж если начистоту, то вмешивать начальство никто не любит.

– Допустим, – неохотно согласилась ведьма. – Антон, мы можем ограничиться устным замечанием.

Я оглянулся. Вокруг, в серой мгле, медленно двигались люди. Обычные, не способные выйти из своего мирка. Мы – Иные, и пусть я стою на стороне Света, а мои собеседники на стороне Тьмы, но с ними у меня куда больше общего, чем с любым из простых людей.

– Условия?

Нельзя играть с Тьмой в поддавки. Нельзя идти на уступки. А еще опаснее – принимать ее дары. Но правила созданы лишь для того, чтобы их нарушать.

– Никаких.

Надо же!

Я смотрел на Алису, пытаюсь найти в ее словах подвох. Петр явно был возмущен поведением напарницы, он злился, ему хотелось уличить адепта Света в преступлении. Значит, его можно в расчет не брать.

В чем же ловушка?

– Это неприемлемо для меня, – сказал я, с облегчением замечая подвох. – Алиса, благодарю за предложение мирного урегулирования. Могу принять его, но обещаю в аналогичной ситуации простить вам мелкое магическое вмешательство, до седьмого уровня включительно.

– Хорошо, Иной, – легко согласилась Алиса. Протянула руку, и я невольно пожал ее. – Личное соглашение заключено.

Сова на моем плече взмахнула крыльями. Прямо в ухо ударил разъяренный клекот. И через мгновение птица материализовалась в сумеречном мире.

Алиса отступила на шаг, зрачки ее стремительно растянулись в вертикальные щелки. Парень-ведьмак принял защитную стойку.

– Соглашение заключено! – угрюмо повторила ведьма.

Что происходит?

Я с запозданием понял, что не стоило идти на соглашение при Ольге. Хотя... ну что страшного в произошедшем? Как будто при мне не заключали таких альянсов, не шли на уступки, не договаривались о сотрудничестве с Темными другие работники Дозора, включая и самого шефа! Да, нежелательно! Но приходится!

Наша цель не уничтожение Темных. Наша цель – поддержание баланса. Темные исчезнут лишь тогда, когда люди победят в себе Зло. Или мы исчезнем, если людям Тьма понравится больше, чем Свет.

– Соглашение принято, – зло сказал я сове. – Уймись. Это мелочь. Это обычное сотрудничество.

Алиса улыбнулась, сделала мне ручкой. Взяла за локоть ведьмака, и они стали отступать. Миг, другой, и, выйдя из сумрака, они пошли по тротуару. Обычная парочка.

– Что ты дергаешься? – спросил я. – Ну? Оперативная работа все время состояла из компромиссов!

– Ты совершил ошибку.

Голос у Ольги был странный, не подходящий к внешности. Мягкий, бархатный, певучий. Так говорят кошки-оборотни, а не птицы.

– Ого. Так, значит, умеешь разговаривать?

– Да.

– А чего раньше молчала?

– Раньше все было нормально.

Вспомнив древний анекдот, я усмехнулся.

– Выйду из сумрака, хорошо? А ты можешь пока объяснить, в чем я ошибся. Небольшие компромиссы с Темными – неизбежная часть работы.

– Ты не имеешь той квалификации, которая позволяет идти на компромиссы.

Мир вокруг обрел краски. Это походило на смену режимов в видеокамере, когда переключаешься с «сепии» или «старого кино» на обычную съемку. Аналогия в чем-то была очень верной: сумрак и есть «старое кино». Старое-престарое, благополучно забытое человечеством. Так ему легче жить.

Я направился к спуску в метро, на ходу огрызнувшись невидимой собеседнице:

– При чем тут квалификация?

– Дозорный высокого ранга способен предугадать последствия компромисса. Будет ли это небольшая двусторонняя уступка, которая взаимно нейтрализуется, или ловушка, в которой ты потеряешь больше, чем найдешь.

– Не думаю, что вмешательство седьмого уровня приведет к беде!

Идущий рядом мужчина удивленно посмотрел на меня. Я уже приготовился сказать что-нибудь вроде «я тихий безобидный псих». Это очень хорошо лечит излишнее любопытство. Но мужчина уже ускорил шаг, видимо, придя к подобному выводу самостоятельно.

– Антон, ты не можешь предугадать последствий. Ты отреагировал на мелкую неприятную ситуацию неадекватно. Твоя маленькая магия привела к вмешательству Темных. Ты пошел с ними на компромисс. Но самое печальное, что вообще не было необходимости в магическом вмешательстве.

– Да, да, признаю. И что теперь?

Голос птицы оживал, наполнялся интонациями.

Наверное, она очень долго не говорила.

– Теперь – ничего. Будем надеяться на лучшее.

– Ты сообщишь шефу о случившемся?

– Нет. Пока нет. Мы ведь напарники.

У меня потеплело на душе. Ошибки ошибками, но внезапное улучшение отношений с партнером стоит того.

– Спасибо. Что посоветуешь?

– Ты все делаешь правильно. Ищи след.

Я предпочел бы получить более неординарный совет...

– Поехали.

К двум часам дня вдобавок к кольцу я обшарил всю серую линию. Может быть, я и скверный оперативник, но не заметить вчерашний след, который сам же и снял, не мог. Не выходила здесь девушка, над которой вращался черный вихрь инферно. Видимо, стоило снова начать с той точки, где мы встретились.

На «Курской» я поднялся из метро, прямо на улице из машины купил пластиковое корытце салата и стакан кофе. При взгляде на гамбургеры и сосиски начинало поташнивать, несмотря на все символическое количество в них мяса.

– Будешь что-нибудь? – спросил я невидимую спутницу.

– Нет. Спасибо.

Стоя под мелким снежком, я ковырял крошечной вилкой оливье, прихлебывал горячий кофе. Бомж, явно рассчитывавший, что я возьму пива и ему достанется пустая бутылка, потолкался в сторонке и ушел греться в метро. Больше никому до меня дела не было. Девушка-продавщица обслуживала оголодавших прохожих, безликий поток пешеходов струился от вокзала и к вокзалу. У книжного лотка продавец уныло, без энтузиазма всучивал покупателю какую-то книгу. Покупатель жался.

– У меня, наверное, плохое настроение... – буркнул я.

– Почему?

– Все видится в мрачном свете. Люди – гады и дураки, салат промерз, ботинки отсырели. Птица на моем плече издала насмешливый клекот.

– Нет, Антон. Дело не в настроении. Ты чувствуешь приближение инферно.

– Я никогда не отличался чувствительностью.

– Вот то-то и оно.

Я глянул на вокзал. Попытался всмотреться в лица. Кое-кто тоже чувствовал. Те из людей, которые стояли на самой грани между человеком и Иным, были напряженными, подавленными. Причины они понять не могли и потому внешне, наоборот, бодрились.

– Тьма и Свет... Что может произойти, Ольга?

– Все что угодно. Ты оттянул прорыв, но зато, когда воронка ударит, последствия станут просто катастрофическими. Эффект удержания.

– Шеф об этом не сказал.

– Зачем? Ты поступил правильно. Сейчас есть хотя бы шанс.

– Ольга, сколько тебе лет? – спросил я. Между людьми этот вопрос мог бы прозвучать оскорбительно. Для нас в возрасте нет особых границ.

– Много, Антон. Например, я помню восстание.

– Революцию?

– Восстание на Сенатской. – Сова издала смешок. Я помолчал. Возможно, Ольга старше самого шефа.

– Какой у тебя ранг, партнера?

– Никакого. Я лишена всех прав.

– Извини.

– Ничего. Давно смирилась.

Голос у нее оставался бодрым, даже насмешливым. Но что-то подсказывало мне: нет в Ольге никакого смирения.

– Если я не слишком назойлив... Почему тебя загнали в это тело?

– Иного выбора не было. Существовать в теле волка куда сложнее.

– Подожди... – Я бросил недоеденный салат в урну. Посмотрел на плечо, совы не увидел, конечно, для этого пришлось бы уходить в сумрак. – Кто ты? Если оборотень, то почему с нами? Если маг – почему такое странное наказание?

– А вот это уже не относится к делу, Антон. – На миг в голосе прорезалась острая сталь. – Но началось все с того, что я пошла на компромисс с Темными. Маленький компромисс. Мне казалось, что последствия просчитаны, но я ошиблась.

Вот так...

– Ты поэтому заговорила? Решила меня предостеречь, но опоздала?

Молчание.

Будто Ольга уже недовольна своей откровенностью.

– Работаем дальше... – сказал я. И тут в кармане пискнул телефон.

Это оказалась Лариса. С чего бы ей работать две смены подряд?

– Антон, внимание... Поймали след той девушки. Станция «Перово».

– Блин, – только и сказал я. Работать в спальных районах – мучение.

– Да, – согласилась Лариса. Оперативник она совсем никакой... потому и сидит на телефоне, наверное. Но девчонка умная. – Антон, гони в Перово. Туда стягивают всех наших, они идут по следу. И еще... там заметили Дневной Дозор.

– Понятно. – Я сложил трубку.

Ничего мне не было понятно. Неужели Темные уже все знают? И жаждут прорыва инферно? И меня останавливали не случайно...

Ерунда. Катастрофа в Москве не в интересах Тьмы. Правда, останавливать воронку они тоже не станут: для них это противоестественно.

В метро я забираться так и не стал. Поймал машину, это должно было дать выигрыш по времени, пусть и небольшой. Сел рядом с водителем, смуглым горбоносым интеллигентом лет сорока. Машина была новенькая, да и сам водитель производил впечатление человека преуспевающего. Даже странно, что подрабатывает извозом.

...Перово. Большой район. Толпы людей. Свет и Тьма – все скручено в узел. Да еще несколько заведений, кидающих Темные и Светлые пятна во все стороны. Работать там – все равно что искать песчинку на полу переполненной дискотеки при включенных стробоскопах...

Пользы от меня будет мало, а точнее – вообще никакой. Но раз велят ехать – значит надо. Может быть, попросят провести опознание.

– А я почему-то был уверен, что нам повезет, – прошептал я, глядя на стелющуюся дорогу. Мы проехали Лосиный остров, тоже место неприятное, там собираются на шабаши Темные. И не всегда при этом соблюдаются права обычных людей. Пять ночей в году мы вынуждены терпеть все. Ну или почти все.

– Я тоже так думала... – шепнула Ольга.

– Куда мне тягаться с оперативниками. – Я покачал головой.

Водитель скосил на меня взгляд. С ценой я согласился, не торгуясь, да и маршрут его, видимо, устраивал. Но человек, беседующий сам с собой, всегда вызывает нездоровые ассоциации.

– Дело я одно провалил... – со вздохом сообщил я водителю. – Точнее – плохо выполнил. Думал, что сегодня смогу выслужиться, а справились без меня.

– Потому и спешишь? – полюбопытствовал водитель. Выглядел он не особо говорливым, но моими словами заинтересовался.

– Велели приехать, – кивнул я.

Интересно, за кого он меня принимает?

– А чем занимаешься?

– Программист, – ответил я. Честно ответил, между прочим.

– Колоссально, – заметил водитель, хмыкнул. Что уж он тут нашел колоссального? – На жизнь хватает?

Вопрос был ненужный уже из-за того, что ехал я не в метро. Но я ответил:

– Вполне.

– Я не просто так спрашиваю, – неожиданно сообщил водитель. – У меня с работы уходит системный администратор...

«У меня...» Надо же.

– Лично я вижу в этом перст судьбы. Подсадил человека, а он оказался программистом. Мне кажется, вы обречены.

Он засмеялся, будто решил сгладить слишком уж уверенные слова.

– С локальными сетями работали?

– Да.

– Сетка на полсотни машин. Надо поддерживать в порядке. Платим хорошо.

Я невольно начал улыбаться. Хорошее дело. Локальная сетка. Приличные деньги. И никто не требует ловить ночами вампиров, пить кровь и вынюхивать следы по морозным улицам...

– Дать визитку? – Одной рукой мужчина ловко полез в карман пиджака. – Подумайте...

– Нет, спасибо. К сожалению, с моей работы сами не уходят.

– КГБ, что ли? – Водитель нахмурился.

– Серьезнее, – ответил я. – Гораздо серьезнее. Но похоже.

– Н-да... – Водитель замолчал. – Жалко. А я уж подумал, что это знак свыше. В судьбу веришь?

На «ты» он перешел легко и непринужденно. Мне это понравилось.

– Нет.

– Почему? – искренне удивился водитель, как будто раньше имел дело исключительно с фаталистами.

– Судьбы нет. Это доказано.

– Кем?

– У меня на работе.

Он захохотал.

– Здорово. Что ж, значит – не судьба! Где тебе остановить?

Мы уже ехали по Зеленому проспекту.

Я всмотрелся, проходя сквозь слой обыденной реальности в сумрак. Увидеть ничего толком я не смог, способностей не хватало. Скорее – почувствовал. В серой мгле мерцала кучка неярких огоньков. Чуть ли не вся контора собралась...

– Вон там...

Сейчас, находясь в обычной реальности, я не мог увидеть коллег. Шел по серому городскому снегу к заваленному сугробами скверу между жилыми домами и проспектом. Редкие промерзлые деревца, несколько ниточек следов – то ли детишки резвились, то ли пьяный прошел напрямик.

– Помаши рукой, тебя заметили, – посоветовала Ольга.

Я подумал и выполнил совет. Пусть решат, что я прекрасно умею смотреть из реальности в реальность.

– Совещание, – насмешливо сказала Ольга. – Пятиминутка...

Оглянувшись больше для порядка, я вызвал сумрак и шагнул в него.

И впрямь – вся контора. Все московское отделение.

В центре стоял Борис Игнатьевич. Легко одетый, в костюме, в легонькой меховой кепке, но почему-то с шарфом. Представляю, как он выбирался из своего «BMW» в тесном окружении охраны.

Рядом стояли оперативники. Игорь и Гарик – вот уж кто и впрямь подходит на роль боевиков. Морды каменные, плечи квадратные, лица непроницаемо-туповатые. Сразу видно: за плечами восемь классов, училище и спецназ. В отношении Игоря это и впрямь верно. У Гарика два высших образования. При внешнем сходстве и почти одинаковом поведении содержание разнится абсолютно. Илья по сравнению с ними казался рафинированным интеллигентом, но вряд ли кому-то стоит обманываться очками в тонкой оправе, высоким лбом и наивным взглядом. Семен был еще одним утрированным типом: невысокий, кряжистый, с хитроватым взглядом, в какой-то драной нейлоновой куртке. Провинциал, прибывший в Москву-столицу. При чем прибывший откуда-то из шестидесятых годов, из передового колхоза «Поступь Ильича». Абсолютные противоположности. Зато Илью и Семена роднил прекрасный загар и унылое выражение лиц. Их выдернули из Шри-Ланки в середине отпуска, и удовольствия от зимней Москвы они никак не испытывали. Игната, Данилы и Фарида здесь не было, хотя их свежий след я чувствовал. Зато прямо за спиной шефа стояли, вроде бы совсем не маскируясь, но почему-то незаметные на первый взгляд Медведь и Тигренок. Когда я заметил эту парочку, мне стало не по себе. Они не просто боевики. Они очень хорошие боевики. По мелочам их не тягают.

И кабинетных работников было много.

Аналитический отдел, все пятеро. Научная группа – все, кроме Юли, но это неудивительно, ей всего тринадцать лет. Архивной группы не было разве что.

– Привет! – сказал я.

Кое-кто кивнул, кое-кто улыбнулся. Но я понял, что сейчас народу не до меня. Борис Игнатьевич жестом велел подойти поближе, после чего продолжил явно прерванную моим появлением речь:

– ...не в их интересах. И это радует. Никакой помощи оказано нам не будет... и хорошо, и славно...

Ясно. Речь о Дневном Дозоре.

– Искать девушку мы можем беспрепятственно, и Данила с Фаридом уже близки к успеху. Полагаю, минут пять-шесть осталось... Но ультиматум нам все же предъявлен.

Я поймал взгляд Тигренка. Ох нехорошо она улыбается... Да, она. Тигренок – девушка, но прозвище Тигрица к ней не прилипло категорически.

Не любят наши оперативники слова «ультиматум»!

– Черный маг не наш. – Шеф обвел всех собравшихся скучным взглядом. – Ясно? Нам придется его найти, чтобы обезвредить воронку. Но после этого мы передаем мага Темным.

– Передаем? – с любопытством уточнил Илья.

Шеф секунду подумал.

– Да, верное уточнение. Мы его не уничтожаем и не препятствуем общению с Темными. Насколько я понял, они его тоже не знают.

Лица оперативников стремительно становились кислыми. Любой новый черный маг на подконтрольной территории – головная боль. Даже если он зарегистрирован и придерживается договора. А уж маг такой силы...

– Я бы предпочла иное развитие ситуации, – мягко сказала Тигренок. – Борис Игнатьевич, в процессе работы могут возникнуть не зависящие от нас ситуации...

– Боюсь, что невозможно допустить подобные ситуации, – отрезал шеф. Мимолетно, без напора, он всегда симпатизировал Тигренку. Но девушка сразу сникла.

И я бы тоже сник.

– Вот в общем-то и все... – Шеф взглянул на меня. – Хорошо, что ты прибыл, Антон. Я хотел сказать именно при тебе...

Я невольно напрягся.

– Ты грамотно сработал вчера. Да, действительно, я поручил тебе поиск вампиров лишь с целью проверки. И не только оперативных качеств... ты уже давно находишься в сложной ситуации, Антон. Убить вампира тебе гораздо сложнее, чем любому из нас.

– Вы зря так думаете, шеф, – сказал я.

– Рад, что ошибался. Прими благодарность от всего Ночного Дозора. Ты уничтожил одного вампира, снял след с вампириши. И очень четкий след. Тебе по-прежнему не хватает опыта для розыскной работы. Но фиксировать информацию ты умеешь. Так же и с этой девушкой. Ситуация была крайне нестандартная, но ты выбрал гуманное решение... и этим выиграл время. И отпечаток ауры был великолепный. Где ее искать, я понял в первую же минуту.

И вот меня проняло. Никто не улыбался, не подсмеивался, не глядел с ухмылкой. И все же я почувствовал себя оплеванным. Белая сова, которую никто не видел, вздрогнула на моем плече. Я втянул воздух сумрака, прохладный, безвкусный, никакой воздух. Спросил:

– Борис Игнатьевич, чем было вызвано направление меня на кольцо? Если уж вы знали правильный район.

– Я мог ошибаться, – с ноткой удивления отозвался шеф. – Опять же... пойми, что в розыскной работе не следует доверять самому авторитетному вышестоящему мнению. Один в поле воин, если знает, что он один.

– Но я был не один, – тихо сказал я. – И для моей партнерши это задание крайне важно, вы это знаете лучше меня. Отправив нас на проверку заведомо пустых районов... вы лишили ее шанса реабилитироваться.

Лицо у шефа каменное, ничего не прочитаешь, если сам не захочет.

И все же мне показалось, что я попал в цель.

– Ваше задание пока не закончено, – ответил он. – Антон, Ольга... еще остается вампириша, которую надо обезвредить. Здесь никто не вправе нам помешать: она нарушила Договор. Остается мальчик, проявивший ненормальную устойчивость к магии. Его надо найти и обратить на сторону Света. Работайте.

– А эта девушка?

– Уже локализована. Теперь нейтрализовать воронку попробуют специалисты. Если ничего не выйдет, а так и будет, то выясним, кто наложил проклятие. Игнат, это твоя работа!

Я обернулся – действительно, Игнат уже стоял рядом. Высокий, статный красавец-блондин с фигурой Аполлона и лицом кинозвезды. Передвигался он бесшумно, хотя в обычной реальности это все равно не спасало его от излишнего внимания женского пола.

От абсолютно излишнего внимания.

– Это не мой профиль, – мрачно сказал Игнат. – Не самая симпатичная мне ориентация!

– С кем спать, ты будешь выбирать в нерабочее время, – отрубил шеф. – А на работе я решаю за тебя все. Даже время посещения уборной.

Игнат пожал плечами. Посмотрел на меня, словно ища сочувствия, буркнул под нос:

– Это дискриминация...

– Ты не в Штатах, – повторил шеф, и голос его стал опасно вежливым. – Да, это дискриминация. Использование наиболее удобного работника без учета его личных склонностей.

– А можно это задание мне? – тихонечко спросил Гарик.

Атмосфера разрядилась мигом. То, что Гарик в амурных делах потрясаяще невезуч, ни для кого не было секретом. Кто-то засмеялся.

– Игорь, Гарик, вы продолжаете работать на поиске вампириши. – Шеф будто отнесся к предложению серьезно. – Ей нужна кровь. Ее остановили в последний момент, сейчас она сходит с ума от голода и возбуждения. В любой миг жди новых жертв! Антон, а вы с Ольгой ищите мальчишку.

Понятно.

Снова – самое пустое и не важное задание.

В городе – назревающий прорыв инферно, в городе – молодая, дикая, голодная вампирша! А я должен искать пацана, потенциально обладающего сильными магическими способностями...

– Разрешите выполнять? – спросил я.

– Да, конечно. – Шеф проигнорировал мой тихий демарш. – Выполняйте.

Я развернулся и, обозначая свой протест, вышел из сумрака. Мир вздрогнул, наполняясь красками и звуками. Теперь я торчал, идиот идиотом, посреди скверика. Для стороннего наблюдателя это выглядело бы дико. А уж отсутствие следов... я стоял в сугробе, а вокруг – нетронутая снежная целина.

Вот так и рождаются мифы. Из нашей неосторожности, из наших рваных нервов, из неудачных шуток и показушных жестов.

– Ничего страшного, – сказал я и пошел напролом к проспекту.

– Спасибо... – тихо и нежно шепнули мне в ухо.

– За что, Оль?

– Что вспомнил обо мне.

– Для тебя и впрямь важно хорошо выполнить задание?

– Очень, – после паузы ответила птица.

– Тогда мы будем очень стараться.

Перепрыгивая через сугробы и какие-то камни – ледник тут прошел, что ли, или кто-то в сад камней играл, – я выбрался на проспект.

– У тебя есть коньяк? – спросила Ольга.

– Коньяк... что? Есть.

– Хороший?

– А он плохим не бывает. Если это коньяк.

Сова фыркнула.

– Пригласите даму на кофе с коньяком.

Представив мысленно сову, пьющую из блюдечка коньяк, я едва не захохотал.

– С удовольствием. Поедем в такси?

– Шутите, парниша! – мгновенно отозвалась Ольга.

Так. Когда же она оказалась запертой в птичье тело? Или это не мешает ей читать книги?

– Существует такая штука, как телевизор, – шепнула птица.

Тьма и Свет! Я был уверен, что мои мысли надежно закрыты!

– А вульгарную телепатию прекрасно заменяет жизненный опыт... большой жизненный опыт, – лукаво продолжила Ольга. – Антон, твои мысли для меня закрыты. К тому же ты мой партнер.

– Да я вовсе... – Я махнул рукой. Глупо отрицать очевидное. – А что с мальчишкой? Или плюнем на это задание? Несерьезно ведь...

– Очень серьезно! – возмущенно отозвалась Ольга. – Антон... шеф признал, что поступил некорректно. И сделал нам поблажку, которой стоит воспользоваться. Вампириша нацелена на мальчика, понимаешь? Он для нее – ненадкусенный бутерброд, вынутый изо рта. И он на поводке. Сейчас она в силах приманить его в свое убежище с любого конца города. Но это плюс и для нас. Нет нужды искать тигра в джунглях, когда можно привязать на поляне козленка.

– В Москве таких козлят...

– Этот мальчик – на поводке. Вампириша неопытна. Налаживать контакт с новой жертвой сложнее, чем притянуть старую. Уж поверь.

Я вздрогнул, прогоняя дурацкое подозрение. Поднял руку, тормозя машину, мрачно сказал:

– Верю. Верю сразу и навсегда.

Глава 4

Сова вышла из сумрака, едва я переступил порог. Вспорхнула – на миг я почувствовал легкий укол когтей – и устремилась на холодильник.

– Может, тебе насест соорудить? – спросил я, запирая дверь. Первый раз я увидел, как Ольга разговаривает. Клюв задергался, она выталкивала слова с явным усилием. Честно говоря, все равно не понимаю, как птица способна разговаривать. Да еще и столь человеческим голосом.

– Не надо, а то я примусь откладывать яйца.

Видимо, это была попытка пошутить.

– Если обидел, извини, – на всякий случай предупредил я. – Я тоже пытаюсь снять неловкость.

– Понимаю. Все нормально.

Зарывшись в холодильник, я обнаружил там кое-что из закуски. Сыр, колбаса, соленья... Интересно, как соотнесется сорокалетний коньяк с малосольным огурцом? Наверное, они испытают взаимную неловкость. Как я с Ольгой.

Я достал сыр и колбасу.

– Лимонов нет, извини. – Я понимал всю абсурдность приготовлений, но все же... – Зато коньяк приличный.

Сова молчала.

Из отведенного под бар ящика стола я извлек бутылку «Кутузова».

– Доводилось пробовать?

– Наш ответ «Наполеону»? – Сова издала смешок. – Нет, не пробовала.

Абсурдность происходящего нарастала. Сполоснув два коньячных бокала, я поставил их на стол. С сомнением посмотрел на комок белых перьев. На кривой короткий клюв.

– Ты не сможешь пить из бокала. Может быть, принести блюдечко?

– Отвернись.

Я подчинился. За спиной послышался шорох крыльев. Потом – легкое, неприятное шипение, напоминающее то ли разбуженную змею, то ли подтекающий из баллона газ.

– Ольга, извини, но... – Я обернулся.

Совы больше не было.

Да, я ожидал чего-то подобного. Надеялся, что ей позволено хоть иногда принимать человеческий облик. И мысленно нарисовал портрет Ольги – заточенной в птичье тело женщины, помнящей еще восстание декабристов. Почему-то представлялась княжна Лопухина, убегающая с бала. Только постарше, посерьезнее, с мудростью в глазах, чуть осунувшаяся...

А на табуретке сидела молодая, внешне совсем молодая женщина. Лет двадцати пяти. Коротко, по-мужски стриженная, щеки грязные, словно из пожара выбралась. Красивая, и черты лица аристократически тонкие. Но эта гарь... грубая уродливая стрижка...

Одежда шокировала окончательно.

Грязные армейские штаны образчика сороковых годов, растянутый ватник, под ним – серая от грязи гимнастерка. Ноги босые.

– Красивая? – спросила женщина.

– Все-таки да, – ответил я. – Свет и Тьма... почему ты так выглядишь?

– Последний раз я принимала человеческий облик пятьдесят пять лет назад.

Я кивнул:

– Понимаю. Тебя использовали во время войны?

– Меня используют во время всех войн. – Ольга мило улыбнулась. – Во время серьезных войн. В иное время мне запрещено принимать человеческий облик.

– Сейчас войны нет.

– Значит, будет.

На этот раз она не улыбалась. Я сдержал проклятие, лишь сделал знак отрицания беды.

– Хочешь принять душ?

– С удовольствием.

– Женской одежды у меня нет... джинсы и рубашка устроят?

Она кивнула. Поднялась – неловко, смешно поведя руками, – с удивлением посмотрела на свои босые ноги. И пошла в ванную, как будто не в первый раз принимала у меня душ.

Я кинулся в спальню. Вряд ли у нее много времени.

Джинсы старые, зато на размер поменьше, чем носу сейчас. Все равно велики будут... Рубашка? Нет, лучше тонкий свитер. Белье... н-да. Три раза н-да.

– Антон!

Я сгреб одежду в кучу, подцепил чистое полотенце и бросился обратно. Дверь в ванную была открыта.

– Что у тебя за краны?

– Импортные, шаровые... сейчас.

Я вошел. Ольга стояла в ванне, спиной ко мне, обнаженная, задумчиво поворачивала рычаг крана влево и вправо.

– Вверх, – сказал я. – Поднимаешь вверх, это напор. Влево – холодная вода, вправо – горячая.

– Ясно. Спасибо.

Она совершенно меня не стеснялась. Понятное дело, учитывая ее возраст и ранг... пусть даже бывший ранг.

А вот я смутился. И от этого стал циничен.

– Вот тряпки. Может быть, что-то подберешь. Если это нужно, конечно.

– Спасибо, Антон... – Ольга посмотрела на меня. – Не обращай внимания. Я восемьдесят лет провела в птичьем теле. Большую часть времени в спячке. Но все равно мне хватило.

Глаза у нее были глубокие, затягивающие. Опасные глаза.

– Я больше не воспринимаю себя ни человеком, ни Иной, ни женщиной. Совой, впрочем, тоже. Так... злая, старая, бесполой дура, иногда способная говорить.

Из душа ударила вода. Ольга медленно подняла руки, с наслаждением повернулась под тугими струями.

– Смыть коготь для меня куда важнее... чем смущать симпатичного юношу.

Проглотив юношу без всяких пререканий, я вышел из ванной. Покачал головой, взял коньяк, раскупорил бутылку.

По крайней мере ясно одно: она не оборотень. Оборотень не сохранил бы одежду на теле. Ольга – маг. Маг, женщина, возраст около двухсот лет, восемьдесят лет назад была наказана лишением тела, надежда на реабилитацию остается, специалист по силовым взаимодействиям, последний раз привлекалась к работе приблизительно пятьдесят пять лет назад...

Достаточно данных, чтобы поискать в компьютерной базе. К полным файлам у меня доступа нет, не тот уровень. Но, к счастью, высшее начальство и не подозревает, сколько информации может дать косвенный поиск.

Конечно, если я и впрямь хочу выяснить личность Ольги.

Разлив по бокалам коньяк, я стал ждать. Ольга вышла из ванной минут через пять, на ходу вытирая волосы полотенцем. Она надела мои джинсы и свитер.

Нельзя сказать, что полностью преобразилась... и все же стала симпатичнее на порядок.

– Спасибо, Антон. Ты не представляешь, какое это удовольствие...

– Догадываюсь.

– Догадываться мало. Запах, Антон... запах гари. Я почти привыкла к нему за полвека. – Ольга неловко села на табуретку. Вздохнула: – Это плохо, но я рада нынешнему кризису. Пусть даже меня не помилуют, но зато возможность вымыться...

– Ты можешь оставаться в этом облике, Ольга. Я схожу и куплю нормальную одежду.

– Не стоит. У меня лишь полчаса в день.

Скомкав полотенце, Ольга бросила его на подоконник. Вздохнула:

– Следующей возможности вымыться я могу и не дожидаться. Так же как возможности выпить коньяка... Твое здоровье, Антон.

– Твое здоровье.

Коньяк был хорош. Я пригубил его с удовольствием, несмотря на полный сумбур в голове. А Ольга выпила залпом, поморщилась, но вежливо сообщила:

– Неплохой.

– Почему шеф не разрешает тебе принимать нормальный облик?

– Это не в его власти.

Ясно. Значит, наказало ее не региональное бюро, а высшие чины.

– Я желаю тебе удачи, Ольга. Что бы ты ни совершила... уверен, что твоя вина давно искуплена.

Женщина пожала плечами.

– Хотела бы верить. Я понимаю, что легко вызываю сочувствие, но наказание справедливо. Впрочем... давай серьезно.

– Давай.

Ольга потянулась ко мне через стол. Сказала таинственным шепотом:

– Скажу честно: мне надоело. У меня крепкие нервы, но так жить нельзя. Мой шанс – выполнить миссию такой важности, что у руководства не будет выхода, кроме как помирить меня.

– Где взять такую миссию?

– Она уже есть. И состоит из трех этапов. Мальчишка – мы защитим его и перетащим на сторону Света. Вампирша – мы ее уничтожим.

Тон у нее был уверенный, и я вдруг поверил Ольге. Защитим и уничтожим. Без проблем.

– Только это все мелочи, Антон. Тебе подобная акция поднимет уровень, но меня не спасет. Главное – девушка с черной воронкой.

– Ею уже занимаются, Ольга. Меня... нас от задания отстранили.

– Ничего. Им не справиться.

– Да? – с иронией спросил я.

– Не справиться. Борис Игнатьевич – сильный маг. Но в иных областях. – Ольга насмешливо прищурилась. – А я занималась прорывами инферно всю жизнь.

– Вот почему война! – сообразил я.

– Конечно. Таких выплесков ненависти в мирное время не бывает. Гаденыш Адольф... у него было много поклонников, но его спалили бы в первый же военный год. Вместе со всей Германией. У Сталина ситуация была иной, чудовищно много обожания... мощный щит. Антон, я, простая русская женщина... – мимолетная улыбка показала все отношение Ольги к слову «простая», – всю последнюю войну занималась тем, что прикрывала врагов своей страны от проклятий. За одно лишь это я заслужила помилование. Веришь?

– Верю. – Мне показалось, что она захмелела.

– Сволочная работа... всем нам приходится идти против человеческой природы, но заходить настолько далеко... Так вот, Антон. Они – не справятся. Я – могу попробовать. Хотя полной уверенности нет и у меня.

– Ольга, если все так серьезно, ты должна подать рапорт...

Женщина покачала головой, оправила мокрые волосы:

– Не могу. Мне запрещено общаться с кем-либо, кроме Бориса Игнатьевича и партнера по заданию. Ему я сказала все. Теперь могу лишь ждать. И надеяться, что мне удастся справиться – в самый последний момент.

– А шеф этого не понимает?

– Думаю, что, наоборот, понимает.

– Вот оно что... – прошептал я.

– Мы были любовниками. Очень долго. И вдобавок друзьями, что встречается реже... Итак, Антон. Сегодня решаем вопрос с мальчиком и психованной вампиршей. Завтра ждем. Ждем, пока не прорвется inferno. Согласен?

– Мне надо подумать, Ольга.

– Славно. Думай. А сейчас мне пора. Отвернись...

Я не успел. Наверное, Ольга сама виновата в этом. Не рассчитала, сколько времени ей отпущено.

Это действительно выглядело отвратительно. Ольга задрожала, выгнулась дугой. По телу прошла волна: кости изгибались, будто резиновые. Кожа лопалась, обнажая кровоточащие мышцы. Через мгновение женщина превратилась в смятый комок плоти, бесформенный шар. И шар все съеживался и съеживался, обрастая мягкими белыми перьями...

Полярная сова вспорхнула с табуретки с криком полуптичьим-получеловеческим. Метнулась к облюбованному месту на холодильнике.

– Дьявол! – закричал я, забывая все правила и наставления. – Ольга!

– Красиво? – Голос женщины был задыхающимся, еще искаженным болью.

– Почему? Почему именно так?

– Это часть наказания, Антон.

Я протянул руку, коснулся расправленного, трепещущего крыла.

– Ольга, я согласен.

– Тогда за работу, Антон.

Кивнув, я вышел в прихожую. Распахнул шкаф со снаряжением, перешел в сумрак – иначе просто не увидишь ничего, кроме одежды и старогохлама.

Легкое тельце опустилось на мое плечо.

– Что у тебя есть?

– Ониксовый амулет я разрядил. Ты можешь его наполнить?

– Нет. Я лишена почти всех сил. Оставлено лишь то, что необходимо для нейтрализации inferno. И память, Антон... еще оставлена память. Как собираешься убить вампиру?

– Она без регистрации, – сказал я. – Только народными средствами.

Сова издала хохочущий клекот.

– Осинка до сих пор в ходу?

– У меня ее нет.

– Понятно. Из-за твоих друзей?

– Да. Я не хочу, чтобы они вздрагивали, переступая порог.

– Тогда что?

Из выдолбленного в кирпичях гнезда я достал пистолет. Покосился на сову – Ольга внимательно изучала оружие.

– Серебро? Для вампира очень болезненно, но не смертельно.

– Там разрывные пули. – Я выщелкнул из «Desert Eagle» обойму. – Разрывные серебряные пули. Калибр ноль сорок четыре. Три попадания нашипигуют вампира так, что он станет беспомощным.

– А далее?

– Народные средства.

– Я не верю в технику, – с сомнением отозвалась Ольга. – Я видела, как восстановился оборотень, разорванный на клочки снарядом.

– И быстро он восстановился?

– За трое суток.

– А я о чем говорю?

– Хорошо, Антон. Если ты не доверяешь своим собственным силам...

Она осталась недовольна, я это понимал. Но я не оперативник. Я штабной работник, которому поручили поработать в поле.

– Все будет хорошо, – успокоил я. – Поверь. Давай сосредоточимся на поисках приманки.

– Пошли.

– Вот здесь все и произошло, – сообщил я Ольге. Мы стояли в подворотне. Разумеется, в сумраке.

Порой мимо проходили люди, смешно огибая меня, пусть и невидимого.

– Здесь ты убил вампира. – Тон Ольги был донельзя деловым. – Так... понимаю, друг мой. Зачистил мусор плохо... впрочем, не важно...

На мой взгляд, никаких следов от упокоившегося вампира не осталось. Но я не спорил.

– Тут была вампирша... здесь ты ее чем-то ударил... нет, плеснул водкой... – Ольга тихонько засмеялась. – Она ушла... Наши оперативники совсем потеряли хватку. След четкий до сих пор!

– Она обернулась, – мрачно ответил я.

– В летучую мышь?

– Да. Гарик сказал, что она успела в последний момент.

– Плохо. Вампирша сильнее, чем я надеялась.

– Она же дикая. Она пила живую кровь и убивала. Опыта у нее нет, а вот сил – хоть отбавляй.

– Уничтожим, – жестко сказала Ольга.

Я промолчал.

– А вот и след мальчишки. – В голосе Ольги послышалось одобрение. – А и впрямь... хороший потенциал. Пошли посмотрим, где он живет.

Мы вышли из подворотни, двинулись по тротуару. Двор был большой, окруженный домами со всех сторон. Я тоже чувствовал ауру мальчишки, хотя очень слабую и спутанную: он тут ходил регулярно.

– Вперед, – командовала Ольга. – Сверни налево. Дальше. Направо. Постой...

Я остановился перед какой-то улицей, по которой медленно полз трамвай. Из сумрака я так и не выходил.

– В этом доме, – сообщила Ольга. – Вперед. Он там.

Дом был чудовищный. Плоский, высоченный да вдобавок еще стоящий на каких-то ножках-опорах. При первом взгляде он казался исполинским памятником спичечному коробку. При втором – воплощением болезненной гигантомании.

– В таком доме хорошо убивать, – сказал я. – Или сходить с ума.

– Займемся и тем, и другим, – согласилась Ольга. – Знаешь, у меня в этом большой опыт.

Егор не хотел выходить из дома. Когда родители ушли на работу, когда хлопнула дверь, он немедленно почувствовал страх. И в то же время знал: за пределами пустой квартиры страх превратится в ужас.

Спасения не было. Нигде и ни в чем. Но дом создавал хотя бы иллюзию безопасности.

Мир сломался, мир рухнул вчера ночью. Егор всегда честно признавал, ну, не при всех, а для себя самого, что он не храбрец. Но и трусом, пожалуй, тоже не был. Были вещи, которых

можно и нужно бояться: шпана, маньяки, террористы, катастрофы, пожары, войны, смертельные болезни. Все в одной куче, и все одинаково далеко. Все это реально существовало и в то же время оставалось за гранью повседневного. Соблюдай простые правила, не броди по ночам, не лезь в чужие районы, мой руки перед едой, не прыгай на рельсы. Можно бояться неприятностей и в то же время понимать, что шанс в них влипнуть весьма невелик.

Теперь все изменилось.

Существовали явления, от которых невозможно спрятаться. Явления, которых нет и не может существовать в мире.

Существовали вампиры.

Все помнилось четко, он не лишился памяти от ужаса, на что смутно надеялся вчера, когда бежал домой, против обыкновения перебегая улицу без оглядки. И робкие чаяния, что к утру случившееся покажется сном, тоже не оправдались.

Все было правдой. Невозможной правдой. Но...

Это случилось вчера. Это случилось с ним.

Он возвращался поздно, да, но ему случалось приходить домой еще позднее. Даже родители, которые, по твердому убеждению Егора, до сих пор не понимали, что ему почти тринадцать лет, относились к этому спокойно.

Когда он с ребятами вышел из бассейна... да, уже было десять. Все вместе они завалились в «Макдоналдс» и просидели там минут двадцать. Это тоже было обычно, все, кому позволяли финансы, шли после тренировки в «Мак». Потом... потом они все вместе дошли до метро. Недалеко. По светлой улице. Восьмером.

Тогда еще все было нормально.

В метро он почему-то начал волноваться. Глядел на часы, озирался на окружающих. Но ничего подозрительного не было.

Разве что Егор слышал музыку.

И началось то, чего быть не может.

Он зачем-то свернул в темную, вонючую подворотню. Подошел к девушке и парню, которые ждали его. Которые его подманили. И сам подставил девушке шею под тонкие, острые, нечеловеческие зубы.

Даже сейчас, дома, в одиночестве, Егор ощущал холодок – сладкий, манящий, щекоткой пробегающий по коже. Он ведь хотел! Боялся, но хотел касания сверкающих клыков, короткой боли, за которой... за которой... за которой что-то будет... наверное...

И никто в целом мире не мог помочь. Егор помнил взгляд той женщины, что выгуливала собак. Взгляд, прошедший сквозь него, настороженный, но вовсе не равнодушный. Она не испугалась, она просто не видела происходящего... Егора спасло лишь появление третьего вампира. Того бледного парня с плеером, что увязался за ним еще в метро. Они схватились из-за него, как матерые и голодные волки грызутся над загнанным, но еще не убитым оленем.

Вот тут все путалось, слишком быстро произошло. Крики о каком-то дозоре, о каком-то сумраке. Вспышка синего света – и один вампир начал рассыпаться на глазах, как в кино. Вой вампириши, которой что-то плеснули в лицо.

И его паническое бегство...

И понимание, страшное, еще страшнее случившегося: никому и ничего нельзя говорить. Не поверят. Не поймут.

Вампиров нет!

Нельзя смотреть сквозь людей и не замечать их!

Никто не сгорает в вихре голубого огня, превращаясь в мумию, скелет, горстку пепла!

– Неправда, – сказал Егор самому себе. – Есть. Можно. Бывает!

Даже себе поверить было трудно...

Он не пошел в школу, но зато убрался в квартире. Хотелось что-то делать. Несколько раз Егор подходил к окну и пристально оглядывал двор.

Ничего подозрительного.

А сумеет ли он увидеть их?

Они придут. Егор не сомневался ни на секунду. Они знают, что он помнит о них. Теперь его убьют как свидетеля.

Да и не просто убьют! Выпьют кровь и превратят в вампира.

Мальчик подошел к книжному шкафу, где половина полок была заполнена видеокассетами. Наверное, можно поискать совета. «Дракула, мертвый, недовольный»... Нет, это комедия. «Однажды укушенный». Совсем ерунда... «Ночь страха»... Егор вздрогнул. Этот фильм он помнил. И теперь уже никогда не рискнет пересмотреть. Как там говорилось... «Крест помогает, если в него веришь».

А чем ему крест поможет? Он даже некрещеный. И в Бога не верит. Раньше не верил.

Теперь, наверное, надо?

Если есть вампиры, то, значит, есть и дьявол, если есть дьявол, то есть и Бог?

Если есть вампиры, то есть и Бог?

Если есть Зло, то есть и Добро?

– Ничего нет, – сказал Егор. Засунул руки в карманы джинсов, вышел в прихожую, посмотрел в зеркало. Он в зеркале отражался. Может быть, слишком мрачный, но вполне обычный мальчишка. Значит, пока все нормально. Его укусить не успели.

На всякий случай он все же покрутился, пытаясь рассмотреть затылок. Нет, ничего. Никаких следов. Тощая и, пожалуй, не совсем чистая шея...

Идея пришла неожиданно. Егор кинулся на кухню, спугнув по пути кота, устраивавшегося на стиральной машине. Стал рыться среди пакетов с картошкой, луком и морковью.

Вот и чеснок.

Торопливо очистив одну головку, Егор принялся жевать. Чеснок был злой, рот обжигало. Егор налил стакан чая, стал запивать каждый зубчик. Помогало слабо, язык горел, чесались десны. Но ведь это должно помочь?

Кот заглянул в кухню. Недоуменно уставился на мальчика, издал разочарованный мям и удалился. Он не понимал, как можно есть подобную гадость.

Последние два зубчика Егор разжевал, выплюнул на ладонь и стал натирать шею. Ему самому было смешно то, что он делал, но остановиться он уже не мог.

Шею тоже защипало. Хороший чеснок. Любой вампир сдохнет от одного запаха.

Кот недовольно завопил в прихожей. Егор насторожился и выглянул из кухни. Нет, ничего. Дверь закрыта на три замка и цепочку.

– Не ори, Грэйсик! – строго велел он. – А то и тебя чесноком накормлю.

Оценив угрозу, кот умчался в родительскую спальню. Что бы еще сделать? Серебро, кажется, помогает. Повторно вспугнув кота, Егор прошел в спальню, открыл шифоньер, из-под простыней и полотенец достал шкатулку, где мама хранила украшения. Достал серебряную цепочку, надел. Будет вонять чесноком, да и все равно придется снять к вечеру. Может быть, опустошить копилку и купить себе цепочку? С крестиком. И носить, не снимая. Сказать, что поверил в Бога. Бывает же такое, что человек не верил, не верил, а потом вдруг стал верить!

Он прошел через зал, уселся с ногами на диване, окинул комнату задумчивым взглядом. Есть у них в доме осина? Вроде бы нет. А как она вообще выглядит, осина? Пойти в ботанический сад и вырезать себе из сучка кинжал?

Это все хорошо, конечно. Вот только поможет ли? Если снова зазвучит музыка... тихая, манящая музыка... Вдруг он сам скинет цепочку, сломает осиновый кинжал и вымоет измазанную чесноком шею?

Тихая, тихая музыка... Невидимые враги. Может быть, они уже рядом. Просто он их не видит. Не умеет смотреть. А вампир сидит рядом и усмехается, глядя на наивного пацана, готовящегося к обороне. И не страшна им осина, не пугает чеснок. Как воевать с невидимкой?

– Грэйсик! – позвал Егор. На «кис-кис» кот не откликнулся, у него был сложный характер. – Иди сюда, Грэйсик!

Кот стоял на пороге спальни. Шерсть у него топорщилась, глаза горели. Он смотрел мимо Егора, в угол, на кресло у журнального столика. На пустое кресло...

Мальчик почувствовал, как по телу пробежал уже привычный холодок. Он рванулся так резко, что слетел с дивана и упал на пол. Кресло было пустым. Квартира была пустой и запертой. Вокруг потемнело, словно солнечный свет за окном померк...

Рядом кто-то был.

– Нет! – закричал Егор, отползая. – Я знаю! Я знаю! Вы здесь!

Кот издал хриплый звук и метнулся под кровать.

– Я вижу! – крикнул Егор. – Не трогай меня!

Подъезд и без того оказался мрачным и грязноватым. А уж глядя из сумрака – настоящая катакомба. Бетонные стены, в обычной реальности просто грязные, в сумраке оказались поросшими темно-синим мхом. Гадость. Ни одного Иного тут не живет, чтобы вычистить дом... Я поводил ладонью над особо густым комком – мох зашевелился, пытаясь отползти от тепла.

– Гори, – велел я.

Не люблю паразитов. Пусть даже особого вреда они не причиняют, всего лишь пьют чужие эмоции. Предположение, что крупные колонии синего мха способны раскачивать человеческую психику, вызывая то депрессии, то необузданное веселье, никем так и не доказано. Но я всегда предпочитал перестраховаться.

– Гори! – повторил я, посылая в ладонь немножко силы.

Пламя, прозрачное и жаркое, охватило спутанный синий войлок. Через миг пылал весь подъезд. Я отступил к лифту, надавил кнопку, вошел в кабину. Кабинка была почище.

– Девятый этаж, – подсказала Ольга. – Зачем тратишь силы?

– Копейки...

– Тебе может понадобится все, что ты имеешь. Пускай бы рос.

Я промолчал. Лифт медленно полз вверх, сумеречный лифт, двойник обычного, по-прежнему стоявшего на первом этаже.

– Как знаешь, – решила Ольга. – Молодость... бескомпромиссность...

Двери разошлись. На девятом этаже огонь уже прошел, синий мох горит, как порох. Было тепло, куда теплее, чем обычно в сумраке. Слегка пахло гарью.

– Вот эта дверь... – сказала Ольга.

– Вижу.

Я действительно почувствовал ауру мальчика у двери. Он даже не рискнул сегодня выйти из дома. Прекрасно. Козленок привязан за крепкую веревочку, остается дожидаться тигра.

– Войду, наверное, – решил я. И толкнул дверь.

Дверь не открылась.

Да не может такого быть!

В реальности двери могут быть закрыты на все замки. У сумрака свои законы. Только вампиры нуждаются в приглашении, чтобы войти в чужой дом, это их плата за излишнюю силу и гастрономический подход к людям.

Чтобы запереть дверь в сумраке, надо по меньшей мере уметь в него входить.

– Страх, – сказала Ольга. – Вчера мальчишка был в ужасе. И только что побывал в сумеречном мире. Он закрыл за собой дверь... и, не заметив того, сделал это сразу в двух мирах.

– И что делать?

– Иди глубже. Иди за мной.

Я посмотрел на плечо – никого не было. Вызвать сумрак, находясь в сумраке, – непростая игра. Я поднимал свою тень с пола несколько раз, прежде чем она обрела объем и заколыхалась напротив.

– Давай-давай, у тебя получается, – шепнула Ольга.

Я вошел в тень, и сумрак сгустился. Пространство наполнилось густым туманом. Краски исчезли вовсе. Из звуков осталось лишь биение моего сердца, тяжелое и медленное, раскатистое, словно лупили в барабан на дне ущелья. Да свистел ветер – это воздух вползал в легкие, медленно расправляя бронхи. На моем плече возникла белая сова.

– Долго тут не выдержи, – шепнул я, открывая дверь. На этом уровне она, конечно же, не была заперта.

Под ноги метнулся темно-серый кот. Для котов не существует обычного мира и сумрака, они живут во всех мирах сразу. Как хорошо, что у них нет настоящего разума.

– Кис-кис-кис, – прошептал я. – Не бойся, котик...

Скорее для пробы собственных сил я запер за собой дверь.

Вот так, мальчик, теперь ты защищен чуть лучше. Но поможет ли это, когда ты услышишь Зов?

– Выходи, – сказала Ольга. – Ты очень быстро теряешь силы. На этом уровне сумрака тяжело даже опытному магу. Пожалуй, и я выйду повыше.

Я с облегчением шагнул наружу. Да, я не оперативник, умеющий гулять по всем трем слоям сумрака. В общем-то у меня и нужды в этом не было.

Мир стал немножко поярче. Я огляделся – квартира была уютная и не особо загаженная порождениями сумеречного мира. Несколько полосок синего мха у двери... не страшно, сами сдохнут, раз основная колония уничтожена. Возникли и звуки, кажется, из кухни. Я заглянул туда.

Мальчишка стоял у стола и ел чеснок, запивая его горячим чаем.

– Свет и Тьма... – прошептал я.

Сейчас паренек казался еще младше и беззащитнее, чем вчера. Худой, нескладный, хотя и слабым его не назовешь, видимо, занимается спортом. В линялых голубых джинсах и синей футболке.

– Бедолага, – сказал я.

– Очень трогательно, – согласилась Ольга. – Распустить слух о магических свойствах чеснока – это был удачный ход со стороны вампиров. Говорят, сам Брэм Стокер это и придумал...

Мальчишка сплюнул на руку пережеванной кашицей и стал натирать шею чесночным пюре.

– Чеснок – полезная штука, – сказал я.

– Да. И защищает. От вирусов гриппа, – добавила Ольга. – Ох! Как легко умирает истина, как живуча ложь... Но мальчик и впрямь силен. Ночному Дозору не помешает новый оперативник.

– Он наш?

– Пока он ничей. Несформированная судьба, сам видишь.

– А к чему тяготеет?

– Не понять. Пока не понять. Слишком напуган. Сейчас он готов сделать все что угодно, лишь бы спастись от вампиров. Готов стать Темным, готов стать Светлым.

– Не могу осуждать его за это.

– Конечно. Пойдем.

Сова вспорхнула, полетела по коридору. Я пошел следом. Мы сейчас двигались раза в три быстрее, чем люди, один из основных признаков сумрака – изменение хода времени.

– Будем тут ждать, – велела Ольга, очутившись в гостиной. – Тепло, светло и уютно.

Я сел в мягкое кресло возле столика. Покосился на газету, валяющуюся на столике. Ничего нет более веселого, чем читать прессу через сумрак.

«Прибыли от кредитов падают», – гласил заголовок.

В реальности фраза выглядит иначе. «На Кавказе растет напряженность».

Можно взять сейчас газету и прочитать правду. Настоящую. То, что думал журналист, сляпавший статью на заданную тему. Те крохи информации, что он получил из неофициальных источников. Правду о жизни и правду о смерти.

Зачем только?

Давным-давно я научился плевать на человеческий мир. Он – наша основа. Наша колыбель. Но мы – Иные. Мы ходим сквозь закрытые двери и храним баланс Добра и Зла. Нас убийственно мало, и мы не умеем размножаться... дочь мага вовсе не обязательно станет волшебницей, сын оборотня совсем не обязательно научится перевоплощаться лунными ночами.

Мы не обязаны любить обыденный мир.

Мы храним его лишь потому, что паразитируем на нем.

Ненавижу паразитов!

– О чем ты задумался? – спросила Ольга. В гостиной показался мальчишка. Метнулся в спальню, очень быстро, учитывая, что он в обыденном мире. Стал рыться в шкафу.

– Да так. Грустно.

– Бывает. В первые годы бывает со всеми. – Голос Ольги стал совсем человеческим. – Потом привыкаешь.

– О том и грущу.

– Радовался бы, что мы еще живы. В начале века популяция Иных упала до критического минимума. Ты в курсе, что дискутировался вопрос об объединении Темных и Светлых? Что разрабатывались евгенические программы?

– Да, я знаю.

– Наука нас едва не убила. В нас не верили, не хотели верить. Пока считали, что наука способна изменить мир к лучшему.

Мальчик вернулся в гостиную. Уселся на диван, стал поправлять на шее серебряную цепочку.

– Что есть лучшее? – спросил я. – Мы вышли из людей. Мы научились ходить в сумрак, научились менять природу вещей и людей. Что изменилось, Ольга?

– Хотя бы то, что вампиры не охотятся без лицензии.

– Скажи это человеку, у которого пьют кровь...

На пороге появился кот. Устался на нас. Завопил, гневно глядя на сову.

– Он на тебя реагирует, – сказал я. – Ольга, уйди глубже в сумрак.

– Уже поздно, – ответила Ольга. – Извини... я потеряла бдительность.

Мальчик соскочил с дивана. Куда быстрее, чем возможно двигаться в человеческом мире. Неловко, он еще и сам не понимал, что с ним происходит, вошел в свою тень и сейчас падал на пол, глядя на меня. Уже из сумрака.

– Ухожу... – шепнула сова, исчезая. Когти больно впились в плечо.

– Нет! – закричал мальчик. – Я знаю! Я знаю! Вы здесь!

Я начал вставать, разводя руки.

– Я вижу! Не трогай меня!

Он был в сумраке. Все. Случилось. Без всякой помощи со стороны, без курсов и стимуляторов, без руководства мага-куратора мальчишка пересек грань между обыденным и сумеречным мирами.

От того, как ты впервые войдешь в сумрак, что ты увидишь, что почувствуешь, – во многом от этого зависит, кем ты станешь.

Темным или Светлым.

«На Темную сторону мы его отпускать не вправе, баланс по Москве рухнет окончательно».

Мальчик, ты на самом краю.

И это страшнее, чем неопытная вампиша.

Борис Игнатьевич вправе принимать решения о ликвидации.

– Не бойся, – сказал я, не двигаясь с места. – Не бойся. Я друг и не причиню тебе вреда.

Мальчишка дополз до угла и замер. Он не отрывал от меня взгляда и явно не понимал, что перешел в сумрак. Для него все выглядело так, будто в комнате внезапно стемнело, нахлынула тишина и из ниоткуда появился я...

– Не бойся, – повторил я. – Меня зовут Антон. Как тебя зовут?

Он молчал. Часто-часто глотал. Потом прижал руку к шее, нащупал цепочку и, кажется, немного успокоился.

– Я не вампир, – сказал я.

– Кто вы? – Пацан кричал. Хорошо, что в обыденном мире этот пронзительный крик услышать невозможно.

– Антон. Работник Ночного Дозора.

У него расширились глаза, резко, как от боли.

– Моя работа заключается в том, чтобы охранять людей от вампиров и прочей нечисти.

– Неправда...

– Почему?

Он пожал плечами. Хорошо. Пытается оценивать свои действия, аргументировать мнение. Значит, не совсем лишился разума от страха.

– Как тебя зовут? – повторил я. Можно было надавить на мальчика, снять страх. Но это было бы вмешательством, и причем запрещенным.

– Егор...

– Хорошее имя. А меня зовут Антон. Понимаешь? Я Антон Сергеевич Городецкий. Работник Ночного Дозора. Вчера я убил вампира, который пытался напасть на тебя.

– Одного?

Прекрасно. Завязывается разговор.

– Да. Вампиша ушла. Сейчас ее ищут. Не бойся, я здесь, чтобы тебя охранять... чтобы уничтожить вампишу.

– Почему вокруг так серо? – вдруг спросил мальчик.

Молодец. Нет, какой молодец!

– Я объясню. Только давай договоримся, что я тебе не враг. Хорошо?

– Посмотрим.

Он держался за свою нелепую цепочку, словно она могла от чего-то спасти. Мальчик, мальчик, если бы все было так просто в этом мире. Не спасает ни серебро, ни осина, ни святой крест. Жизнь против смерти, любовь против ненависти... и сила против силы, потому что сила не имеет моральных категорий. Все очень просто. Я это понял за каких-то два-три года.

– Егор. – Я медленно пошел к нему. – Выслушай, что я скажу...

– Стойте!

Командовал он так резко, будто у него было в руках оружие. Я вздохнул, остановился.

– Хорошо. Слушай тогда. Кроме обычного, человеческого мира, который доступен глазу, есть еще теневой, сумеречный мир.

Он думал. Несмотря на страх, а боялся он дико – меня обдавало волнами удушливого ужаса, – мальчишка пытался понять. Бывают люди, которых страх парализует. А бывают те, кому он только придает силы.

Я очень хотел бы надеяться, что и я из вторых.

– Параллельный мир?

Ну вот. Пошла в ход фантастика. Пускай, что уж тут, в именах нет ничего, кроме звука.
– Да. И в этот мир могут попасть лишь те, кто обладает сверхъестественными способностями.

– Вампиры?

– Не только. Еще оборотни, ведьмы, черные маги... белые маги, целители, пророки.

– Это все есть на самом деле?

Он был мокрый как мышь. Волосы слиплись, футболка прилипла к телу, по щекам ползли бисеринки пота. И все же мальчик не отрывал от меня взгляда и готовился дать отпор. Словно это ему по силам.

– Да, Егор. Иногда среди людей появляются те, кто умеет входить в сумеречный мир. Они становятся на сторону Добра или Зла. Света или Тьмы. Они – Иные. Так мы называем друг друга – Иные.

– Вы – Иной?

– Да. И ты тоже.

– Почему?

– Ты в сумеречном мире, малыш. Погляди вокруг, вслушайся. Краски стерлись. Звуки умерли. Секундная стрелка на часах еле ползет. Ты вошел в сумеречный мир... ты захотел увидеть опасность и перешел грань между мирами. Здесь медленнее идет время, здесь все иное. Это мир Иных.

– Я не верю. – Егор быстро обернулся, снова посмотрел на меня. – А почему Грэйсик здесь?

– Кот? – Я улыбнулся. – У животных свои законы, Егор. Коты живут во всех пространствах сразу, для них нет никакой разницы.

– Не верю. – У него дрожал голос. – Это все сон, я знаю! Когда свет меркнет... Я сплю. У меня такое было.

– Тебе снилось, что ты включаешь свет, а лампочка не загорается? – Я знал ответ и уж тем более прочел его в глазах мальчишки. – Или загорается, но слабо-слабо, как свечка? И ты идешь, а вокруг колышется Тьма, а протягиваешь руку – не можешь различить пальцев?

Он молчал.

– Это бывает со всеми нами, Егор. Каждому Иному снятся такие сны. Это сумеречный мир вползает в нас, зовет, напоминает о себе. Ты – Иной. Пусть еще маленький, но Иной. И только от тебя зависит...

Я не сразу понял, что у него закрыты глаза, голова клонится набок.

– Идиот, – прошипела с плеча Ольга. – Он первый раз самостоятельно вошел в сумрак! У него нет на это сил! Вытаскивай его, быстро, или он останется тут навсегда!

Сумеречная кома – болезнь новичков. Я почти забыл о ней, мне не приходилось работать с молодыми Иными.

– Егор! – Я подскочил к нему, встряхнул, подхватил за подмышки. Он был легкий, совсем легкий, в сумеречном мире меняется не только ход времени. – Очнись!

Он не реагировал. Мальчик и так сотворил то, на что другим требуются месяцы тренировок, – сам вошел в сумрак. А сумеречный мир обожает пить силы.

– Тащи! – Ольга взяла командование на себя. – Тащи его, живо! Он не очнется сам!

И это было труднее всего. Я проходил курсы неотложной помощи, но вытаскивать из сумрака по-настоящему мне еще никого не приходилось.

– Егор, приди в себя! – Я похлопал его по щекам. Вначале слабо, потом перешел на полновесные оплеухи. – Ну же, парень! Ты уходишь в сумеречный мир! Очнись!

Он становился все легче и легче, истаявал у меня в руках. Сумрак пил его жизнь, вытягивал последние силенки. Сумрак менял его тело, превращал в своего обитателя. Что же я натворил!

– Закрывайся! – Голос Ольги был холодным, отрезвляющим. – Закрывайся вместе с ним... дозорный!

Обычно я создавал сферу больше минуты. Сейчас справился секунд за пять. Вспышка боли – будто в голове взорвался крошечный заряд. Я запрокинул голову, когда сфера отрицания вышла из моего тела и окутала меня радужным мыльным пузырем. Пузырь рос, надувался, неохотно вбирая в себя и меня, и мальчишку.

– Все, теперь держи. Я ничем не могу тебе помочь, Антон. Держи сферу!

Ольга была не права. Она помогала уже одними советами. Наверное, я и сам сообразил бы создать сферу, но мог потерять еще несколько драгоценных секунд.

Вокруг стало светлеть. Сумрак все еще пил наши силы, у меня – с трудом, у мальчишки – вволю, но теперь в его распоряжении было лишь несколько кубических метров пространства. Здесь нет обычных физических законов, но есть их аналоги. Сейчас в сфере создавалось равновесие между нашими живыми телами и сумраком.

Либо сумрак растворится и выпустит добычу, либо мальчишка превратится в обитателя сумеречного мира. Насовсем. Такое бывает с магами, выложившимися до конца, по неосторожности или по необходимости. Такое бывает с новичками, не умеющими толком защищаться от сумрака и отдающими ему больше, чем следует.

Я посмотрел на Егора: его лицо серело на глазах. Он уходил в бесконечные просторы теневого мира.

Перекинув мальчишку на правую руку, я левой вынул из кармана перочинный нож. Зубами открыл лезвие.

– Это опасно, – предупредила Ольга.

Я не ответил. Просто полоснул себя по запястью.

Сумрак зашипел, как раскаленная сковорода, когда брызнула кровь. У меня помутилось в глазах. Дело было не в потере крови, вместе с ней уходила сама жизнь. Я нарушил свою собственную защиту от сумрака.

Зато он получил такую порцию энергии, которую был не в состоянии проглотить.

Мир посветлел, моя тень прыгнула на пол, и я переступил через нее. Радужная пленка сферы отрицания лопнула, выпуская нас в обыденный мир.

Глава 5

Кровь тоненькой струйкой брызгала на палас. Мальчик, сникший у меня на руках, был еще без сознания, но лицо его уже начинало розоветь. Кот вопил из другой комнаты, будто его резали.

Я опустил Егора на диван. Сел рядом. Попросил:

– Ольга, бинт...

Сова сорвалась с моего плеча, белым росчерком унеслась на кухню. Видимо, по пути она вошла в сумрак, потому что вернулась уже через несколько секунд с бинтом в клюве.

Егор открыл глаза как раз в тот миг, когда я взял у совы бинт и принялся перевязывать свою руку. Спросил:

– Это кто?

– Сова. Не видишь разве?

– Что со мной было? – спросил он. Голос почти не дрожал.

– Ты потерял сознание.

– Почему? – Его взгляд испуганно пробежал по следам крови на полу и на моей одежде.

Егора я ухитрился не испачкать.

– Кровь моя, – объяснил я. – Порезался случайно. Егор, в сумрак надо входить осторожно. Это чужая среда даже для нас, Иных. Находясь в сумеречном мире, мы должны постоянно тратить силы, подпитывать его живой энергией. Понемножку. А если не контролировать процесс – сумрак высосет из тебя все живое. Ничего не поделаешь, это плата.

– Я заплатил больше, чем был должен?

– Больше, чем имел. И едва не остался в сумеречном мире навсегда. Это не смерть, но, может быть, это хуже смерти.

– Давайте помогу... – Мальчишка сел, на миг сморщился: видимо, закружилась голова. Я протянул руку – он стал бинтовать запястье, неумело, но старательно. Аура мальчишки не изменилась, по-прежнему была переливчатой, нейтральной. Он уже входил в сумрак, но тот еще не успел наложить свою печать.

– Веришь, что я друг? – спросил я.

– Не знаю. Не враг, наверное. Или не можете ничего мне сделать!

Протянув руку, я потрогал мальчишку за шею – он сразу напрягся. Расстегнул и снял с него цепочку.

– Понял?

– Значит, вы не вампир. – Голос чуть просел.

– Да. Но вовсе не потому, что смог коснуться чеснока и серебра. Егор, это не помеха для вампира.

– Во всех фильмах...

– А еще во всех фильмах хорошие парни побеждают плохих. Мальчик, суеверия опасны, они внушают лживые надежды.

– А надежды бывают правдивыми?

– Нет. По сути своей. – Я встал, потрогал повязку. Ничего, держалась крепко и наложена достаточно туго. Через полчаса можно будет заговорить рану, но пока слишком мало сил.

Мальчик смотрел на меня с дивана. Да, он немножко успокоился. Но еще мне не доверял. Забавно было то, что на белую сову, с невинным видом задремавшую на телевизоре, он и внимания не обращал. Похоже, Ольга все-таки вмешалась в его сознание. Оно и к лучшему: объяснять, кто такая белая говорящая сова, было бы крайне трудно.

– У тебя найдется еда? – спросил я.

– Какая?

- Да любая. Чай с сахаром. Кусок хлеба. Я тоже потратил много сил.
- Найдется. А как вы поранились?
- Я не стал уточнять, но не стал и врать.
- Нарочно. Так было нужно, чтобы вытащить тебя из сумрака.
- Спасибо. Если это правда.
- Наглость у него была, но мне это понравилось.
- Не за что. Сгинь ты в сумраке – и с меня начальство снимет голову.
- Мальчик хмыкнул, встал. Он все-таки старался держаться подальше от меня.
- А какое начальство?
- Строгое. Ну, ты нальешь мне чая?
- Для хорошего человека ничего не жалко. – Да, он продолжал бояться. И прятал страх за развязной хамоватостью.
- Сразу уточняю – я не человек. Я – Иной. И ты Иной.
- А в чем разница? – Егор демонстративно окинул меня взглядом. – На вид и не скажешь!
- Пока не напоишь чаем, буду молчать. Тебя учили принимать гостей?
- Незваных? А как вы вошли?
- Через дверь. Я покажу. Позже.
- Пойдемте. – Кажется, меня все-таки решили угостить чаем. Я пошел следом за мальчиком, невольно морщась. Не выдержал и попросил:
- Только знаешь, Егор... вымой вначале шею.
- Не оборачиваясь, мальчик замотал головой.
- Это по меньшей мере глупо, защищать одну лишь шею. На человеческом теле есть пять точек, куда может укусить вампир.
- Да ну?
- Ну да. Разумеется, я имею в виду мужское тело.
- У него даже затылок покраснел.
- Я всыпал в кружку пять полных ложек сахара. Подмигнул Егору:
- Налейте стакан чая с двумя ложками сахара... хочу перед смертью попробовать.
- Видимо, он не знал этого анекдота.
- А мне сколько сыпать?
- Ты сколько вешишь?
- Не помню.
- Я прикинул на глаз.
- Сыпь четыре. Начальную гипогликемию снимешь.
- Шею он все-таки вымыл, хотя полностью от чесночного запаха не избавился. Попросил, жадно глотая чай:
- Объясняйте!
- Да, не так я все планировал. Совсем не так. Проследить за пацаном, когда его настигнет Зов. Убить или схватить вампирушу. И отвести благодарного мальчика к шефу – уж тот сумеет хорошо объяснить.
- В давние времена... – Я поперхнулся чаем. – Похоже на начало сказки, верно? Только это не сказка.
- Я слушаю.
- Ладно. Начну с другого. Есть человеческий мир. – Я кивнул на окно, на крошечный дворик и ползущие по дороге машины. – Вот он. Вокруг нас. И большинство не может выйти за его пределы. Так было всегда. Но иногда появляемся мы. Иные.
- И вампиры?
- Вампиры – тоже Иные. Правда, они другие Иные, их способности определены заранее.

– Не понимаю. – Егор помотал головой.

Ну да, я не куратор. Не умею, да и не люблю объяснять прописные истины...

– Два шамана, наевшись ядовитых грибов, колотят в свои бубны, – сказал я. – Давным-давно, еще в первобытные времена. Один из шаманов честно морочит головы охотникам и вождю. Другой видит, как его тень, дрожащая на полу пещеры в свете костра, обретает объем и поднимается в полный рост. Он делает шаг и входит в тень. Входит в сумрак. И дальше начинается самое интересное. Понимаешь?

Егор молчал.

– Сумрак меняет вошедшего. Это иной мир, и он делает из людей Иных. А вот кем ты станешь – зависит лишь от тебя. Сумрак – бурная река, которая течет во все стороны сразу. Решай, кем ты хочешь стать в сумеречном мире. Но решай быстро, у тебя не так уж много времени.

Вот теперь он понял. У мальчишки сузились зрачки, чуть побледнела кожа. Хорошая стрессовая реакция, и впрямь годится в оперативники...

– Кем я могу стать?

– Ты – кем угодно. Ты еще не определился. И знаешь, какой выбор лежит в основе? Добро и Зло. Свет и Тьма.

– И ты – добрый?

– Прежде всего я – Иной. Различие Добра и Зла лежит в отношении к обычным людям. Если ты выбираешь Свет – ты не будешь применять свои способности для личной выгоды. Если ты выбрал Тьму – это станет для тебя нормальным. Но даже черный маг способен исцелять больных и находить пропавших без вести. А белый маг может отказывать людям в помощи.

– Тогда я не понимаю, в чем разница?!

– Ты поймешь. Поймешь, когда встанешь на ту или иную сторону.

– Никуда я не буду вставать!

– Поздно, Егор. Ты был в сумраке, и ты уже меняешься. День-другой – и выбор будет сделан.

– Если ты выбрал Свет... – Егор встал, налил себе еще чая. Я заметил, что он впервые повернулся ко мне спиной без опаски. – То кто ты? Маг?

– Ученик мага. Я работаю в офисе Ночного Дозора. Это тоже нужно.

– А что ты можешь делать? Покажи, я хочу проверить!

Ну вот, все как по учебнику. Он был в сумраке, но это его не убедило. Мелкие балаганные фокусы куда более впечатляющи.

– Смотри.

Я протянул к нему руку. Егор остановился, пытаясь понять, что происходит. Потом посмотрел на чашку.

От чая уже не шел пар. Чай похрустывал, превратившись в цилиндр мутно-коричневого льда с замороженными чайнками.

– Ой, – сказал мальчик.

Термодинамика – самая простая часть управления материей. Я позволил броуновскому движению восстановиться, и лед вскипел. Егор вскрикнул, роняя чашку.

– Извини. – Я вскочил, схватил с раковины тряпку. Присел, вытирая с линолеума лужу.

– От магии сплошные неприятности, – сказал мальчик. – Чашку жалко.

– Сейчас.

Тень прыгнула мне навстречу, я вошел в сумрак и посмотрел на осколки. Они еще помнили целое, и чашке вовсе не суждено было разбиться так быстро.

Оставаясь в сумраке, я сгреб рукой горстку осколков. Несколько самых мелких, отлетевших под плиту, охотно подкатились поближе.

Я вышел из сумрака и поставил белую чашку на стол.

– Только чай наливай заново.

– Круто. – Кажется, этот маленький фокус произвел на мальчика сильное впечатление. – А так с любой вещью можно?

– С вещью – почти с любой.

– Антон... а если что-то разбилось неделю назад?

Я невольно улыбнулся.

– Нет. Извини, уже слишком поздно. Сумрак дает шанс, но его надо использовать быстро, очень быстро.

Егор помрачнел. Интересно, что он разбил неделю назад?

– Теперь веришь?

– Это магия?

– Да. Самая примитивная. Ей почти не нужно учиться.

Наверное, я сказал это зря. В глазах у мальчика появился огонек. Он уже оценивал свои перспективы. Выгоду.

Свет и Тьма...

– А опытный маг, он может и другие вещи делать?

– Даже я могу.

– А управлять людьми?

Свет и Тьма...

– Да, – сказал я. – Да, можем.

– И вы это делаете? А почему террористы захватывают заложников? Ведь можно незаметно прокрасться через сумрак и застрелить их. Или заставить застрелиться! А почему люди умирают от болезней? Маги ведь могут лечить, вы сами сказали?

– Это будет Добро, – сказал я.

– Конечно! Так вы же Светлые маги!

– Если мы совершим любое безусловно доброе действие – Темные маги получают право на действие злое.

Егор удивленно смотрел на меня. На него слишком многое вывалилось в последние сутки. Он еще неплохо справлялся.

– К сожалению, Егор, Зло сильнее по своей природе. Зло – деструктивно. Оно разрушает куда легче, чем Добро созидает.

– А что вы тогда делаете? Вот этот ваш Ночной Дозор... Вы воюете с Темными магами?

Мне нельзя было отвечать. Я понимал это с той же убийственной ясностью, с которой знал: вообще не стоило открываться перед мальчиком. Надо было его усыпить. Уйти в сумрак глубже. Но не давать, не давать никаких объяснений!

Я ничего не смогу доказать!

– Вы с ними воюете?

– Не совсем, – сказал я. Правда была хуже лжи, но я не имел права на ложь. – Мы следим друг за другом.

– Готовитесь воевать?

Я смотрел на Егора и думал о том, что он очень, очень неглупый мальчик. Но именно мальчик. И если сказать ему сейчас, что близится великая битва Добра и Зла, что он может стать новым джедаем сумеречного мира, то он будет наш.

Правда, ненадолго.

– Нет, Егор. Нас очень мало.

– Светлых? Меньше, чем Темных?

Вот сейчас он готов бросить дом, маму с папой, надеть сверкающие доспехи и пойти умирать за дело Добра...

– Вообще – Иных. Егор... битвы Добра и Зла шли тысячи лет с переменным успехом. Порой Свет побеждал, но если бы ты знал, сколько людей, даже не подозревающих про сумеречный мир, при этом гибли. Иных мало, но ведь каждый Иной способен повести за собой тысячи обычных людей. Егор... если сейчас начнется война Добра и Зла – погибнет половина человечества. Потому почти полвека назад был подписан Договор. Великий Договор между Добром и Злом, Тьмой и Светом.

У него округлились глаза.

Я вздохнул и продолжил:

– Это короткий Договор. Сейчас я прочту его – в официальном переводе на русский язык. Ты уже вправе знать.

Прикрыв глаза, я посмотрел в темноту. Сумрак ожил, закрутился под веками. И развернулось серое полотно, испещренное пылающими красными буквами. Договор нельзя произносить на память, его можно лишь читать:

*Мы – Иные,
Мы служим разным силам,
Но в сумраке нет разницы между отсутствием
Тьмы и отсутствием Света.
Наша борьба способна уничтожить мир.
Мы заключаем Великий Договор о перемирии.
Каждая сторона будет жить по своим законам,
Каждая сторона будет иметь свои права.
Мы ограничиваем свои права и свои законы.
Мы – Иные.
Мы создаем Ночной Дозор,
Чтобы силы Света следили за силами Тьмы.
Мы – Иные.
Мы создаем Дневной Дозор,
Чтобы силы Тьмы следили за силами Света.
Время решит за нас.*

У Егора округлились глаза.

– Свет и Тьма живут в мире?

– Да.

– Вот... вампиры... – Он снова и снова возвращался к этой теме. – Они Темные?

– Да. Это люди, полностью перерожденные сумеречным миром. Они получают огромные возможности, но теряют саму жизнь. И поддерживать свое существование могут лишь чужой энергией. Кровь – самая удобная форма для ее перекачивания.

– И они убивают людей!

– Они могут существовать на донорской крови. Это как сублимированные продукты, мальчик. Невкусно, но тоже питательно. Если бы вампиры позволили себе охотиться...

– Но на меня нападали!

Он думал сейчас лишь о себе... Плохо.

– Некоторые вампиры нарушают законы. Для того и нужен Ночной Дозор: следить за соблюдением Договора.

– А так, так вот просто вампиры на людей не охотятся?

Мою щеку обдало ветром от невидимых крыльев. Коготки вцепились в плечо.

– Что ты ему ответишь, дозорный? – шепнула Ольга из глубин сумрака. – Ты рискнешь сказать правду?

– Охотятся, – сказал я. И добавил то, что когда-то, пять лет назад, ударило меня страшнее всего. – По лицензии. Иногда... иногда им нужна живая кровь.

Он спросил не сразу. Я читал в его глазах все, что мальчик думал, все, что хотел спросить. И знал, что отвечать придется на все вопросы.

– А вы?

– А мы предотвращаем браконьерство.

– Так на меня могли напасть... по этому вашему Договору? По лицензии?

– Да, – сказал я.

– И выпили бы кровь? А вы прошли бы мимо и отвернулись?

Свет и Тьма...

Я закрыл глаза. Договор пылал в сером тумане. Чеканные строки, за которыми стояли тысячелетия войны и миллионы жизней.

– Да.

– Уходите...

Мальчишка сейчас был взведен как пружина. На грани истерики, на краю безумия.

– Я пришел защитить тебя.

– Не надо!

– Вампириша свободна. Она попытается напасть...

– Уходите!

Ольга вздохнула:

– Доигрался, дозорный?

Я поднялся. Егор вздрогнул, отодвигаясь подальше вместе с табуреткой.

– Ты поймешь, – сказал я. – У нас нет иного выхода...

Я и сам не верил в свои слова. И спорить сейчас было бесполезно. А за окнами темнело, и вот-вот наступит время охоты...

Мальчик шел следом, будто стараясь убедиться, что я выйду из квартиры, а не спрячусь в шкафу. Больше я ничего не говорил. Открыл дверь, вышел на лестницу. Дверь хлопнула за спиной.

Поднявшись на пролет выше, я сел на корточки у лестничного окна. Ольга молчала, молчал и я.

Правду нельзя открывать так резко. Человеку нелегко признать сам факт нашего существования. А уж примириться с Договором...

– Мы ничего не могли сделать, – сказала Ольга. – Недооценили паренька, его способности и его страх. Были обнаружены. Вынуждены были отвечать на вопросы, и отвечать правдиво.

– Сочиняешь рапорт? – спросил я.

– Знал бы ты, сколько подобных рапортов я писала...

Воняло гнилью из мусоропровода. За окном шумел проспект, медленно погружающийся в сумерки. Уже начинали мерцать фонари. Я сидел, крутил в руках сотовый телефон и размышлял, звонить сейчас шефу или подождать его звонка. Наверняка Борис Игнатьевич наблюдает за мной.

Наверняка.

– Не переоценивай возможностей руководства, – сказала Ольга. – У него сейчас по уши проблем с черной воронкой.

Телефон в моих руках заверещал.

– Угадайте, кто? – спросил я, открывая трубку.

– Вуди Вудпекер. Или Вупи Голдберг.

Мне было не до шуток.

– Да?

– Где находишься, Антон?

Голос шефа был усталый, замученный. Таким я его не знал.

– На лестничной площадке уродского многоэтажного дома. Рядом с мусоропроводом. Здесь довольно тепло и уже почти уютно.

– Нашел мальчишку? – без всякого интереса спросил шеф.

– Нашел...

– Хорошо. Я пошлю к тебе Тигренка и Медведя. Здесь им делать все равно нечего. А ты приезжай в Перово. Немедленно.

Я полез было в карман, и шеф немедленно уточнил:

– Если нет с собой денег... впрочем, пускай даже есть. Останови милицейскую машину, и пусть доведут тебя с ветерком.

– Так серьезно? – только и спросил я.

– Весьма. Можешь выехать немедленно.

Я посмотрел в темноту за окном.

– Борис Игнатьевич, не стоит оставлять парня одного. Он и впрямь потенциально силен...

– Да знаю я... Ладно. Ребята уже едут. С ними мальчику ничего не грозит. Дождись – и немедленно сюда.

Застучали гудки. Сложив трубку, я покосился на плечо:

– И что ты скажешь, Ольга?

– Странно.

– Почему? Ты сама сказала, что им не справиться.

– Странно, что он позвал тебя, а не меня... – Ольга задумалась. – Может быть... да нет. Не знаю.

Я глянул сквозь сумрак – и на самом горизонте обнаружил два пятнышка. Оперативники мчались с такой скоростью, что могли быть на месте минут через пятнадцать.

– Он даже адреса не спросил, – мрачно заметил я.

– Времени не хотел терять. А ты не почувствовал, как он взял координаты?

– Нет.

– Тренируйся больше, Антон.

– Я не работаю в поле!

– Теперь работаешь. Пошли вниз. Зов мы услышим.

Поднявшись – местечко на лестнице и впрямь уже казалось насиженным и уютным, – я побрел вниз. На душе был осадок – скверный, тоскливый. За спиной хлопнула дверь. Я обернулся.

– Мне страшно, – сказал Егор без всяких церемоний.

– Все в порядке. – Я стал подниматься обратно. – Мы тебя охраняем.

Он кусал губы, смотрел то на меня, то на полумрак лестницы. Впускать меня в квартиру ему тоже не хотелось, но и одному оставаться уже сил не было.

– Мне кажется, на меня смотрят, – сказал он наконец. – Это вы делаете?

– Нет. Скорее всего это вампиры.

Мальчишка не вздрогнул. Ничего нового я ему не сообщил.

– Как она нападет?

– Войти в дверь без приглашения она не сможет. Особенность вампиров, о ней сказки не врут. Тебе захочется выйти самому. Впрочем, ты уже хочешь выйти.

– Я не выйду!

– Когда она применит Зов – выйдешь. Будешь понимать, что происходит, но все равно выйдешь.

– Вы... вы мне можете посоветовать? Что-нибудь?

Егор сдался. Он хотел помощи, любой возможной помощи.

– Могу. Доверься нам.

Его колебания длились секунду.

– Входите. – Егор отступил от двери. – Только... сейчас мама придет с работы.

– Ну и что?

– Вы спрячетесь? Или что мне сказать?

– Это ерунда, – отмахнулся я. – Но мне...

Открылась дверь соседней квартиры, осторожно приоткрылась, на цепочке. Выглянуло морщинистое старушечье личико.

Я коснулся ее сознания – легонько, на миг, как можно осторожнее, чтобы не повредить и без того расшатанный разум...

– А, это ты... – Старуха расплылась в улыбке. – Ты, ты...

– Антон, – любезно подсказал я.

– Я уж думала, кто чужой ходит, – снимая цепочку и выдвигаясь на лестничную площадку, сообщила бабулька. – Время-то такое, сплошные безобразия, творят что хотят...

– Ничего, – сказал я. – Все будет хорошо. Вы лучше посмотрите телевизор, там сейчас новая серия идет.

Старуха закивала и, послав мне еще один дружелюбный взгляд, скрылась в квартире.

– Какая серия? – спросил Егор.

Я пожал плечами:

– Да не знаю. Какая-нибудь. Мало ли «мыльных опер»?

– А откуда вы нашу соседку знаете?

– Я? Ее? Да ниоткуда.

Мальчик молчал.

– Вот так, – пояснил я. – Мы – Иные. А входить я не буду, мне надо сейчас уезжать.

– Как?

– Тебя будут охранять другие, Егор. И не беспокойся: они профессионалы куда лучше меня.

Я глянул сквозь сумрак: два ярких оранжевых огня приближались к подъезду.

– Я... я не хочу. – Мальчишка сразу запаниковал. – Лучше вы!

– Не могу. У меня другое задание.

Внизу в подъезде хлопнула дверь, застучали шаги. Лифтом боевики пренебрегли.

– Я не хочу! – Егор схватился за дверь, будто решил закрыться. – Я им не верю!

– Или ты доверяешь всему Ночному Дозору, или не доверяешь никому, – жестко отрезал я. – Мы не супермены-одиночки в красно-синих плащах. Мы наемные работники. Полиция сумеречного мира. Мои слова – слова Ночного Дозора.

– А кто они? – Мальчик уже сдавался. – Маги?

– Да. Только узкоспециализированные.

Внизу, на изгибе лестницы, появилась Тигренок.

– Привет, мальчиши! – жизнерадостно воскликнула девушка, одним прыжком преодолевая пролет.

Прыжок был нечеловеческий, Егор даже съезился и отступил, настороженно глядя на Тигренка. Я покачал головой: девушка явно балансировала на грани трансформации. Ей это нравилось, а сейчас к тому же имелись все основания порезвиться.

– Как там? – спросил я.

Тигренок шумно вздохнула, потом улыбнулась:

– Ой... весело. Все в панике. Иди, тебя ждут, Антошка... А ты мой подопечный, да?

Мальчишка молчал, разглядывая ее. Честно говоря, шеф сделал прекрасный выбор, послав на охрану именно Тигренка. Она внушала доверие и симпатию всем, от детей до ста-

риков. Говорят, даже Темные иногда подкупались на ее поведение. Впрочем, они-то как раз были не правы...

– Я не подопечный, – ответил наконец мальчик. – Меня Егор зовут.

– А я Тигренок. – Девушка уже вошла в квартиру, дружелюбно обняла мальчишку за плечи. – Давай показывай плацдарм! Начнем готовить оборону!

Я пошел вниз, на ходу качая головой. Минут через пять Тигренок будет демонстрировать мальчику, за что получила свое имя.

– Привет, – буркнул идущий навстречу Медведь.

– Привет. – Мы обменялись короткими рукопожатиями. Из всех сотрудников Дозора Медведь вызывал у меня самые странные и смешанные эмоции.

Медведь был чуть выше среднего роста, крепкий и с совершенно непроницаемым лицом. Говорить много не любил. Как он проводит нерабочее время, где живет – не знал никто, кроме, разве что, Тигренка. Ходили слухи, что он был даже не магом, а оборотнем. Рассказывали, что вначале он работал в Дневном Дозоре, а потом, во время какой-то миссии, вдруг перекинулся на нашу сторону. Все это была полнейшая чушь, Светлые не становятся Темными, а Темные не превращаются в Светлых. Но что-то, порождающее невольную оторопь, в Медведе крылось.

– Машина тебя ждет, – не останавливаясь, сказал оперативник. – Водитель – ас. Доедешь с ветерком.

Медведь чуть заикался и потому строил короткие фразы. Он не спешил, Тигренок уже заступила на дежурство. А вот мне медлить не стоило.

– Там тяжело? – ускоряя шаг, спросил я. Сверху донеслось:

– Там уже никак.

Перепрыгивая через ступеньки, я выскочил из подъезда. Машина и впрямь стояла – я на миг залюбовался ею, приостановившись. Роскошный темно-багровый «BMW» последней модели с небрежно прилепленной на крыше мигалкой. Обе дверцы со стороны подъезда были открыты, водитель, у которого под полкой пиджака угадывалась кобура, торопливо курил, высушившись из машины. У задней дверцы стоял совершенно монументального вида немолодой мужчина в очень дорогом костюме, на лацкане которого блестел депутатский значок, в расстегнутом пальто. Мужчина говорил по сотовому:

– Да кто он такой? Когда смогу – приеду! Что? Какие, твою мать, девки? Умом тронулся? Шагу ступить сами не можете?

Покосившись на меня, депутат, не прощаясь, прервал разговор и полез в машину. Водитель жадно затянулся, откинул сигарету и схватился за руль. Мотор мягко завыл, я едва успел сесть на переднее сиденье, как машина тронулась. По дверце со скрипом прошлись обледенелые ветки.

– Ослеп, что ли? – рявкнул депутат на шофера, хотя вина в случившемся была лишь моя. Но стоило хозяину машины повернуться ко мне, как тон изменился: – В Перово тебя?

Еще ни разу меня не подвозили представители власти. Да еще, ко всему, не то милицеские чины, не то бандитские авторитеты. Умом я понимал, что перед возможностями дозорного все едино, но экспериментировать никогда не пытался.

– Да, туда же, откуда ребята приехали. И побыстрее бы...

– Слышишь, Володька? – обратился депутат к водителю. – Жми!

Володька поднажал. Да так резво, что мне стало не по себе, и я глянул в сумрак: доедем ли вообще?

Выходило, что доедем. Но не только из-за мастерства водителя или коэффициента удачи, у меня, как у любого дозорного, искусственно повышенного. Похоже было, что кто-то прошелся по вероятностному полю, вычищая оттуда все аварии, пробки и слишком уж ревностных гаишников.

В нашем отделе такое мог сотворить лишь сам шеф. Вот только зачем?

– Мне тоже жутковато... – шепнула с плеча невидимая птица. – Когда мы с графом... Она замолкла, будто поймав себя на излишней откровенности.

Машина прошла перекресток на красный свет, по немыслимой кривой увертываясь от легковушек и каких-то фургонов. С остановки кто-то показал в нашу сторону рукой.

– Глотнешь? – дружелюбно спросил депутат. Протянул маленькую бутылочку «Реми Мартен» и пластиковый одноразовый стаканчик. Это выглядело настолько смешно, что я, не колеблясь, налил себе тридцать граммов. Даже на такой скорости и на разбитой дороге машина шла мягко, коньяк не расплескивался.

Я вернул бутылку, кивнул, вытянул из кармана наушники плеера, надел, включил диск. Выпала старая-престарая песня «Воскресения», моя любимая.

Тот городок был мал, как детская игрушка,
Не знал он с давних пор болезней и нашествий.
На башне крепостной ржавела молча пушка,
И стороной ушли маршруты путешествий.
И так за годом год, без праздников и будней –
Весь город спал.
Во сне он видел земли городов безлюдных
И мертвых скал...³

Мы вышли на трассу. Машина все наращивала скорость, я еще никогда не ездил в Москве так быстро. Да и не только в Москве... Если бы не вычищенное вероятностное поле, заставил бы сбросить ход, а так – просто страшновато.

Среди холодных скал музыка звучала,
А город спал...
Куда она звала?
Кого она искала?
Никто не знал...⁴

Я невольно вспомнил о том, что Романов – сам Иной. Только неинициированный. Его заметили слишком поздно... Предложение было сделано, но он отказался.

Это тоже выбор.

Интересно, как часто он слышал эту музыку в ночи?

Кто в духоте ночной не закрывал окна –
Того уж нет.
Ушли искать страну, где жизнью жизнь полна,
За песней вслед...⁵

– Еще хочешь? – Депутат был сама благожелательность. Интересно, что ему внушили Медведь и Тигренок? Что я – его лучший друг? Что он – мой вечный должник? Что я – внебрачный, но любимейший сын президента?

Какая ерунда все это. Существуют сотни способов вызвать в людях доверие, симпатию и желание помочь. У Света есть свои методы, жаль только, что и у Тьмы их немало. Ерунда это.

³ «Городок». А. Романов – Ал. Макаревич.

⁴ «Городок». А. Романов – Ал. Макаревич.

⁵ «Городок». А. Романов – Ал. Макаревич.

Вопрос в другом: зачем же я потребовался шефу?

Глава 6

У дороги меня ждал Илья. Стоял, засунув руки в карманы, с отвращением глядя в небо, сыплющее мелким снежком.

– Долго, – только и сказал он, когда я, за руку распрощавшись с депутатом, выбрался из машины. – Шеф заждался.

– Что тут происходит?

Илья ухмыльнулся. Но обычной жизнерадостности в этой улыбке не было.

– Сейчас увидишь... идем.

Мы зашагали по утоптанной дорожке, обгоняя бредущих от супермаркета женщин с сумками. Как странно, супермаркеты у нас появились совсем как настоящие. А вот походка у людей осталась прежней, словно они только что отстояли часовую очередь за синими куриными трупиками...

– Далеко? – спросил я.

– Было бы далеко – взяли бы машину.

– А что наш сексуальный гигант? Не справился?

– Игнат старался, – только и ответил Илья. Почему-то я испытал короткое и мстительное удовольствие, будто провал красавца Игната был в моих интересах. Обычно, если требовало задание, он оказывался в чужой постели через час-другой после получения задания.

– Шеф объявил готовность к эвакуации, – вдруг сказал Илья.

– Что?

– Полная готовность. Если воронка не стабилизируется, то Иные покидают Москву.

Он шел впереди, и я не мог заглянуть в его глаза. Но зачем бы Илье врать...

– А воронка по-прежнему... – начал я. И замолчал. Я увидел.

Впереди, над унылой девятиэтажкой, на фоне темного снежного неба медленно вращался черный смерч.

Его уже нельзя было назвать воронкой или вихрем. Именно смерч. Он тянулся не из этого здания, а из следующего, еще скрытого. И, учитывая угол темного конуса, смерч шел почти от самой земли.

– Дьявол... – прошептал я.

– Не накликай! – оборвал Илья. – Вполне пролезет.

– В ней метров тридцать...

– Тридцать два. И продолжает расти.

Я торопливо посмотрел на свое плечо и увидел Ольгу. Она вышла из сумрака.

Вы когда-нибудь видели испуганную птицу? Испуганную по-человечьи?

Сова казалась взъерошенной. Неужели перья могут вставать дыбом? Глаза горели желто-оранжевым янтарным огнем. Моя несчастная куртка была изодрана на плече в мелкую лапшу, а когти все скребли и скребли, будто намеревались добраться до тела.

– Ольга!

Илья обернулся, кивнул:

– Вот-вот... Шеф говорит, что в Хиросиме воронка была ниже.

Сова взмахнула крыльями, взмыла в воздух, беззвучно, плавно. За спиной вскрикнула женщина – я обернулся, увидел растерянное лицо, изумленные глаза, провожающие птицу.

– Ворона летит, – негромко, вполоборота взглянув на женщину, сообщил Илья. Реакция у него была куда быстрее моей. Через миг случайная свидетельница уже обогнала нас, что-то недовольно ворча об узкой тропинке и любителях заслонять дорогу.

– Быстро растет? – кивнув на смерч, спросил я.

– Рывками. Но сейчас идет стабилизация. Шеф вовремя отозвал Игната. Пошли...

Сова, по широкому кругу обогнув смерч, снизилась и полетела над нами. Какое-то самообладание Ольга сохранила, но неосторожный выход из сумрака явно показывал ее растерянность.

– А что он натворил?

– Да ничего... кроме излишней самоуверенности. Завязал знакомство. Стал форсировать и добился роста воронки... да еще какого роста.

– Не понимаю, – растерянно сказал я. – Такой рост может идти при энергичном подпитывании со стороны мага, вызвавшего инферно...

– О чем и речь. Кто-то отследил Игната и подобрал в топку уголька. Сюда...

Мы вошли в подъезд того здания, что заслоняло нас от вихря. Сова в последний миг влетела следом. Я недоуменно посмотрел на Илью, но спрашивать ничего не стал. Впрочем, тут же стало ясно, зачем мы здесь.

На первом этаже в одной из квартир был развернут оперативный штаб. Могучая стальная дверь, в человеческом мире прочно закрытая, в сумраке была распахнута настежь. Илья, не останавливаясь, нырнул в сумрак и прошел, я несколько секунд провозился, поднимая свою тень, и последовал за ним.

Большая квартира, комнаты четыре, все очень уютно. При этом – шумно, жарко и накурено.

Здесь было больше двадцати Иных. И оперативники, и мы, конторские крысы. На мой приход даже внимания не обратили, на Ольгу поглядывали. Я понял, что старые работники Дозора ее знают, но никто даже не попытался поздороваться или улыбнуться белой сове.

Что же ты натворила?

– В спальню, шеф там, – бросил Илья, сам сворачивая на кухню. На кухне гремели бокалами. Может быть, пили чай, а может, и чего покрепче. Бросив беглый взгляд, я убедился, что прав. Игната отпаивали коньяком. Наш сексуальный террорист выглядел совершенно убитым и раздавленным, на его долю давно не доставались такие неудачи.

Я прошел дальше, толкнул первую попавшуюся дверь, заглянул.

Это была детская. На маленькой кровати спал ребенок лет пяти, на ковре рядом – его родители и девочка-подросток. Все понятно. Хозяев квартиры погрузили в сладкий и здоровый сон, чтобы не путались под ногами. Можно было развернуть весь штаб в сумеречном пространстве, но к чему зря тратить силы?

Меня похлопали по плечу. Я обернулся – это оказался Семен.

– Шеф – там, – коротко сообщил он. – Давай...

Похоже, все в курсе, что меня ждут.

Я вошел в другую комнату и на миг оторопел.

Нет ничего нелепее, чем оперативный штаб Ночного Дозора, развернутый в жилой квартире.

Над туалетным столиком, обильно заставленным косметикой и заваленным бижутерией, висел магический шар средних размеров. Шар транслировал вид на вихрь сверху. Рядом на пуфике сидела Лена, наш лучший оператор, молчаливая и сосредоточенная. Глаза у нее были закрыты, но при моем появлении она чуть приподняла руку в приветствии.

Ладно, это дело обычное. Оператор шара видит пространство в комплексе, от него невозможно укрыться.

На кровати, обложившись подушками, полулежал шеф. Был он в пестром халате, мягких восточных туфлях и тюбетейке. Сладкий дымок переносного кальяна наполнял помещение. Белая сова сидела перед ним. Судя по всему, они общались невербально.

Тоже нормальное дело. В минуты особого напряжения шеф всегда обращается к привычкам, перенятым в Средней Азии. Он там работал на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков,

маскируясь вначале под муфтия, потом – под предводителя басмачей, затем – под красного комиссара, а под конец лет десять прослужил секретарем райкома.

У окна стояли Данила и Фарид. Даже моих способностей хватало, чтобы заметить пурпурное мерцание магических жезлов, спрятанных в их руках.

Вполне заурядная раскладка. Без охраны в такие минуты штаб не оставляют. Данила и Фарид бойцы не самые сильные, но опытные, а это зачастую куда важнее грубой силы.

Но вот как относиться к еще одному Иному, находящемуся в комнате?

Он сидел в уголке, на корточках, скромно и незаметно. Худой как щепка, щеки впалые, черные волосы коротко, по-военному, пострижены, глаза большие, печальные. Возраст совсем непонятен, может, тридцать лет, а может, и триста. Темная одежда. Свободный костюм и серая рубашка хорошо гармонировали с обликом. Человек, наверное, принял бы незнакомца за члена маленькой секты. И в чем-то был бы прав.

Это был Темный маг. Причем маг высочайшего уровня. Когда он вскользь взглянул на меня, я почувствовал, как скорлупа защиты – не мной, между прочим, поставленная! – затрещала и начала прогибаться.

Я невольно сделал шаг назад. Но маг уже опустил глаза в пол, словно показывая: зондирование было случайным, мимолетным...

– Борис Игнатьевич. – Я почувствовал, что голос мой слегка хрипит.

Шеф коротко кивнул, потом повернулся к Темному магу. Тот сразу же уставился на шефа.

– Выдай ему амулет, – отрывисто велел шеф.

Голос Темного оказался грустным и тихим, как у человека, удрученного всеми бедами мира сразу:

– Я не делаю ничего запрещенного Договором...

– И я не делаю. Мои сотрудники должны быть иммунны к наблюдателям.

Вот как! В нашем штабе – наблюдатель со стороны Темных. Значит, рядом развернут полевой штаб Дневного Дозора, и там сидит кто-то из наших.

Темный маг опустил руку в карман пиджака, порылся, достал резной костяной медальончик на медной цепочке. Протянул мне.

– Бросай, – сказал я.

Маг слегка улыбнулся, все так же меланхолично и сочувственно, взмахнул рукой. Я поймал медальон. Шеф одобрительно кивнул.

– Имя? – спросил я.

– Завулон.

Я не слышал раньше этого имени. Либо он не слишком известен, либо стоит у самых верхов Дневного Дозора.

– Завулон... – повторил я, посмотрев на амулет. – У тебя нет больше власти надо мной.

Медальон потеплел в ладони. Я надел его поверх рубашки, кивнул Темному магу и подошел к шефу.

– Такие дела, Антон, – сказал шеф чуть неразборчиво, не выпуская из губ мундштук кальяна. – Такие дела. Видишь?

Посмотрев в окно, я кивнул.

Черный вихрь вырастал из такой же девятиэтажки, как та, в которой мы находились. Тонкий гибкий черенок вихря кончался где-то на уровне первого этажа, и, потянувшись сквозь сумрак, я смог точно локализовать квартиру.

– Как это могло случиться? – спросил я. – Борис Игнатьевич, это ведь уже не кирпич на голову... и не взрыв газа в подъезде...

– Мы делаем все, что можем. – Шеф будто счел нужным отчитаться передо мной. – Все ракетные шахты под нашим контролем, то же самое уже сделано в Америке и Франции, закан-

чивается работа в Китае. Труднее с тактическим ядерным оружием. Никак не можем выявить все работоспособные лазерные спутники. Бактериологической гадости в городе полно... час назад едва не прошла утечка в НИИ вирусологии.

– Судьбу не обманешь, – осторожно сказал я.

– Именно. Мы затыкаем пробоины в днище корабля. А корабль уже разламывается пополам.

Я вдруг заметил, что все – и Темный маг, и Ольга, и Лена, и боевики – смотрят на меня. Стало неуютно.

– Борис Игнатьевич?

– Ты на нее завязан.

– Что?

Шеф вздохнул, выпустил трубочку, холодный опиумный дымок потек к полу.

– Ты, Антон Городецкий, программист, холост, способности средние, завязан на девушку, над которой висит эта черная гадость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.